A 234/281

9(С)1 В
Т462

ества распространенія полезныхъ книгъ. № 567.

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ.

А 234
А 281

ПЕРВЫЙ ЦАРЬ МОСКОВСКІЙ
ІОАННЪ IV ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ГРОЗНЫЙ.

9(С)1
Т462
А 234
281

ПЕРВЫЙ ЦАРЬ МОСКОВСКІЙ

ІОАННЪ IV ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ГРОЗНЫЙ.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ЕГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Составилъ *Е. Тихомировъ*.

БИБЛІОТЕКА
Государственного музея
ДѢТСКОЙ КНИГИ

Москва. 1892.
Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ.
Моховая, д. Торлецкой.

908

Дозволено цензурою. Москва, 5 февраля 1892 года.

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА имени В.И. ЛЕНИНА
245-17490
Р 27802-42

Пятидесятилѣтнее царствованіе Іоанна Грознаго—одна изъ интереснѣйшихъ страницъ нашей исторіи. Сколько славныхъ дѣлъ и событій, обезсмертившихъ имя перваго царя русскаго! Но сколько и темныхъ дѣяній, отъ которыхъ содрогается сердце!

Если мы должны съ благодарностію поминать нашихъ царей

За ихъ труды, за славу, за добро,

то —

За грѣхи и темныя дѣянья

должны —

Спасителя смиренно умолять.

Таковъ возвышенный, глубоко-христіанскій и истинно-народный завѣтъ нашего великаго народнаго поэта, имя котораго находится теперь въ устахъ всѣхъ *), —завѣтъ, высказанный устами благочестиваго лѣтописца-инока.

---

*) А. С. Пушкина.

ПЕРВЫЙ ЦАРЬ МОСКОВСКІЙ
Іоаннъ IV Васильевичъ
ГРОЗНЫЙ.

Краткій обзоръ его царствованія
1533—1584 г.

Глава I.

Правленіе великой княгини Елены.

Великій князь московскій Василій III былъ женатъ два раза. Первая супруга его Соломонія (изъ рода Сабуровыхъ), съ которою онъ прожилъ 20 лѣтъ, была бездѣтна; а между тѣмъ Василій не хотѣлъ, чтобы престолъ послѣ его смерти перешелъ къ кому-либо изъ его братьевъ, которыхъ онъ считалъ людьми неспособными, и сильно желалъ имѣть собственное потомство. Поэтому великій князь развелся съ Соломоніею и заключилъ ее въ Суздальскій Покровскій монастырь, и затѣмъ, съ разрѣшенія митрополита Даніила, женился на Еленѣ, племянницѣ

литовскаго выходца, князя Михаила Глинскаго. Многіе бояре и духовныя лица были недовольны такимъ поступкомъ великаго князя. Особенно вооружался противъ незаконнаго развода старецъ Вассіанъ Косой (одинъ изъ князей Патрикѣевыхъ, постриженный въ монахи); его поддерживалъ другой монахъ, знаменитый своею ученостью, Максимъ Грекъ, призванный въ Москву съ Аѳонской горы для перевода съ греческаго языка на славянскій церковныхъ книгъ. Вассіана и Максима обвинили въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ церкви и заточили въ дальніе монастыри.

Прошло между тѣмъ четыре года слишкомъ послѣ женитьбы Василія на Еленѣ, а дѣтей у нихъ все не было. Великій князь ѣздилъ съ молодою супругой на богомолье по монастырямъ и раздавалъ милостыню; во всѣхъ церквахъ молились о дарованіи наслѣдника великому князю. Наконецъ, 25-го августа 1530 года, явился на свѣтъ горячо желаемый наслѣдникъ, названный Іоанномъ. Ходила молва, что въ самый часъ рожденія будущаго Грознаго царя по всей землѣ Русской прокатился страшный громъ, сверкнула молнія, содрогнулась земля. А одинъ юродивый предрекъ Еленѣ, что у нея родится сынъ „Титъ—широкій умъ.“

Чрезъ два года у великаго князя родился второй сынъ—Юрій. Вскорѣ затѣмъ, 3-го декабря 1533 года, великій князь Василій скончался, благословивъ старшаго сына своего, трехлѣтняго Іоанна, великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Мос-

ковскимъ, Новгородскимъ и всея Руси великимъ государствомъ.

Опека надъ малолѣтними сыновьями и управленіе государствомъ во имя старшаго изъ нихъ принадлежали вдовѣ покойнаго государя, великой княгинѣ Еленѣ Васильевнѣ, женщинѣ съ умомъ и рѣшительнымъ характеромъ. Самымъ близкимъ и главнымъ совѣтникомъ ея становился родной дядя ея, князь Михаилъ Глинскій. При жизни Василія III онъ былъ заключенъ въ темницу за сношенія съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ, къ которому намѣревался перейдти на службу, будучи недоволенъ великимъ княземъ московскимъ. Но, по случаю брака великаго князя Василія на его племянницѣ, Глинскій былъ освобожденъ изъ темницы и приближенъ ко двору.

Тотчасъ послѣ похоронъ Василія, правительницѣ было донесено уже, что нѣкоторые бояре замышляютъ крамолу, желая возвести на великокняжескій престолъ дядю великаго князя. Юрія Ивановича. По приказу великой княгини, онъ былъ немедленно схваченъ и посаженъ подъ стражу.

Не долго господствовалъ при дворѣ и Глинскій: у него явился соперникъ въ лицѣ молодаго князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенскаго, сердечнаго любимца Елены. Глинскій и Оболенскій не могли ужиться въ мирѣ другъ съ другомъ. Еленѣ пришлось пожертвовать однимъ изъ нихъ. Она пожертвовала своимъ дядею, который, по обвиненіи въ честолюбивыхъ замыслахъ, былъ схваченъ и поса-

женъ въ прежнюю свою темницу. Здѣсь онъ скоро и умеръ.

Господство Оболенскаго многимъ было не по душѣ. Между вельможами происходило сильное волненіе. Изъ нихъ нѣкоторые бѣжали въ Литву, а другіе, содѣйствовавшіе имъ и соумышлявшіе съ ними, попали въ заключеніе. Попалъ въ бѣду и второй дядя великаго князя, Андрей Ивановичъ, удѣльный князь старицкій. На него дѣлали доносы, что онъ недоволенъ правительницею и собирается бѣжать въ Литву. Елена послала звать Андрея Ивановича въ Москву для совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ. Но онъ не поѣхалъ, сказавшись больнымъ, чѣмъ навлекъ на себя еще большее подозрѣніе. Изъ Москвы послано было войско, чтобы удержать его отъ бѣгства. Андрей выѣхалъ изъ Старицы и направился въ новгородскія области, гдѣ возмутилъ многихъ помѣщиковъ. Оболенскій настигъ его съ своимъ войскомъ. Не вступая въ битву, Андрей согласился ѣхать въ Москву вмѣстѣ съ Оболенскимъ, обѣщавшимъ, что тамъ ему не сдѣлаютъ ничего дурнаго. Но въ Москвѣ, по приказу Елены, онъ былъ заключенъ въ темницу и не болѣе полугода прожилъ въ неволѣ.

Смутами при дворѣ московскомъ хотѣлъ воспользоваться польскій король Сигизмундъ: онъ думалъ вернуть снова земли, отнятыя у Литвы при Іоаннѣ III и Василіи III. Въ 1554 году началась война, ведшаяся съ перемѣннымъ счастьемъ и не принесшая никакой выгоды Польшѣ. Въ 1537 году

заключено было перемиріе. Въ Москвѣ рады были этому перемирію, потому что приходилось управляться съ другими врагами—Казанью и Крымомъ. Въ Казани, которой Василій III далъ въ цари Еналея, образовались партіи, изъ которыхъ каждая ждала удобнаго случая низложить противную партію. Въ то время какъ Москва была занята Литовскою войною, Крымская сторона въ Казани, противная Московской сторонѣ, составила заговоръ противъ московскаго подручника Еналея: Еналей былъ убитъ, и ханомъ былъ провозглашенъ Сафа-Гирей, царевичъ крымскій. Онъ началъ сейчасъ же нападать на русскія владѣнія, поддерживаемый крымскимъ ханомъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда неожиданно скончалась московская правительница (въ апрѣлѣ 1538 года), какъ говорятъ, отравленная боярами.

Смерть Елены, никѣмъ не любимой, была чувствительною потерею только для младенца сына ея Іоанна и для любимца ея Оболенскаго, который потерялъ въ ней все.

Въ правленіе Елены въ Москвѣ обведено было каменными стѣнами мѣсто, получившее названіе Китая, или средняго города. Строителемъ былъ Петръ Малый Фрязинъ.

Глава II.

Правленіе бояръ (разнобоярщина).

По смерти Елены наступило, за продолжавшимся малолѣтствомъ великаго князя, десятилѣтнее правленіе или, лучше сказать, необузданное самовластіе бояръ, ознаменованное взаимною борьбою правителей и угнетеніемъ народа.

Первое мѣсто между боярами занимали въ это время князья Шуйскіе (потомки удѣльныхъ Суздальскихъ), и во главѣ боярской думы стоялъ Василій Шуйскій, отличившійся при великомъ князѣ Василіи защитою Смоленска отъ Литвы, при чемъ онъ обнаружилъ способность къ мѣрамъ рѣшительнымъ и суровымъ.

Прошло семь дней по смерти правительницы. Любимецъ ея, Иванъ Оболенскій, находился въ комнатѣ великаго князя съ своею сестрой, мамкою Іоанна. Вдругъ явились воины и именемъ старшаго боярина и думы схватили Оболенскаго съ его сестрой. Напрасно маленькій Іоаннъ съ горькимъ плачемъ умолялъ не трогать брата и сестру, къ которымъ онъ былъ привязанъ. Оболенскій и сестра его были заключены въ темницу. Бывшій любимецъ Елены не могъ перенести заключенія и скоро умеръ, заморенный голодомъ.

Впрочемъ Василій Шуйскій скоро умеръ Послѣ него власть перешла въ руки князя Ивана Бѣль-

скаго (изъ потомковъ Гедимина Литовскаго), который управлялъ государствомъ довольно кротко и искусно, но, къ сожалѣнію, не долго. Шуйскіе имѣли на своей сторонѣ многочисленную партію: не смотря на то, что на сторонѣ Бѣльскаго стоялъ митрополитъ Даніилъ, Бѣльскій былъ заключенъ. Новый правитель, Иванъ Шуйскій, свергнулъ и митрополита Даніила, а на мѣсто его возвелъ троицкаго игумена Іоасафа. Однако новый митрополитъ не долго оставался на сторонѣ Шуйскаго: въ 1540 году, по просьбѣ Іоасафа, Бѣльскій былъ освобожденъ, и правленіе перешло теперь къ Бѣльскому и митрополиту Іоасафу. Новые правители постарались освободить изъ темницы двоюроднаго брата Іоаннова, князя Владиміра Старицкаго, сына несчастнаго Андрея Ивановича, и возвратить ему отцовскій удѣлъ. При Бѣльскомъ и его соправителѣ, митрополитѣ Іоасафѣ, всѣ отдохнули: онъ старался, сколько могъ, загладить зло, причиненное Шуйскими, клевреты которыхъ сильно обижали и притѣсняли народъ.

Не смотря на это, сторона Шуйскихъ всетаки была сильнѣе стороны Бѣльскаго. Приверженцы Ивана Шуйскаго составили заговоръ противъ Бѣльскаго. Въ началѣ 1542 года Шуйскій, котораго добродушный Бѣльскій оставилъ на свободѣ, явился неожиданно изъ Владиміра въ Москву съ вооруженнымъ отрядомъ, вызванный своими единомышленниками. Бѣльскій былъ схваченъ ночью на своемъ дворѣ и на другой день отвезенъ въ заточеніе

на Бѣлоозеро. Но жестокосердому Шуйскому показалось этого мало: спустя нѣсколько времени Бѣльскаго умертвили въ тюрьмѣ.

Митрополитъ Іоасафъ. сторонникъ Бѣльскаго, былъ свергнутъ съ большимъ безчестіемъ: заговорщики разбудили его камнями, которые стали швырять къ нему въ келью; онъ кинулся во дворецъ, заговорщики — за нимъ, ворвались съ шумомъ въ спальню великаго князя и „государю страхованіе учиниша“; митрополитъ уѣхалъ на Троицкое подворье; настигнувъ его здѣсь, заговорщики кинулись на него съ ругательствами и едва не убили. Онъ былъ сосланъ въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь. а на его мѣсто возведенъ новгородскій архіепископъ Макарій.

Иванъ Шуйскій недолго жилъ послѣ этого, и власть перешла къ его родичамъ. Главный изъ нихъ, Андрей Михайловичъ, творилъ все, что хотѣлъ, такъ же нагло и самовластно, какъ и Иванъ Шуйскій. Послѣ смерти Бѣльскаго у Шуйскихъ не было соперниковъ. Своеволіе ихъ доходило до того, что они ставили ни во что даже и самого уже подросшаго великаго князя. Къ молодому государю успѣлъ приблизиться и понравиться ему Федоръ Семеновичъ Воронцовъ. Новому правителю Воронцовъ казался опаснымъ, и онъ положилъ уничтожить его. Въ сентябрѣ 1543 года бояре ворвались въ великокняжескія хоромы и вытащили оттуда Воронцова. „биша его. по ланитамъ и платье на немъ ободраша.“ Государь послалъ къ нимъ мит-

рополита и нѣсколькихъ бояръ, чтобы они не убивали Воронцова Они послушались, но на волю Іоанна послать его въ Коломну не согласились, а послали его въ Кострому. Во время этихъ переговоровъ Ѳома Головинъ „митрополиту на мантію наступилъ и мантію на митрополитѣ подралъ.“

Вообще Шуйскіе мало заботились о внѣшней безопасности Россіи, расхищали государственную казну, а родственникамъ своимъ и приверженцамъ раздавали главныя правительственныя должности, позволяя имъ грабить и притѣснять народъ.

Глава III.

Дѣтство и воспитаніе Іоанна.

Іоаннъ имѣлъ отъ природы необыкновенно живыя способности и пылкій, впечатлительный характеръ. Къ несчастью, никто не позаботился дать ему хорошее воспитаніе. Восьми лѣтъ остался онъ безъ нѣжнаго материнскаго призора. Бояре, на попеченіи которыхъ онъ остался послѣ смерти матери, обходились съ нимъ грубо и заботились только о собственныхъ выгодахъ, дѣлали ребенка свидѣтелемъ позорныхъ сценъ, силою отнимали у него людей самыхъ къ нему близкихъ, нагло оскорбляли ихъ, потомъ заточали и замучивали.

Шуйскіе и друзья ихъ позволяли себѣ оскорблять память его отца и матери. Все это ожесточало его сердце. Самолюбіе впечатлительнаго ребенка оскорблялось поведеніемъ бояръ-пѣстуновъ его, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо понималъ свое настоящее значеніе, понималъ, что онъ—государь, потому что люди, обходившіеся съ нимъ такъ грубо и оскорбительно,—тѣ же самые люди при извѣстныхъ церемоніяхъ, напр.: при пріемѣ иностранныхъ пословъ, стояли передъ его престоломъ въ видѣ покорныхъ слугъ. Такимъ образомъ, въ боярахъ онъ видѣлъ своихъ злыхъ враговъ, съ которыми однако былъ еще не въ силахъ бороться, и потому долженъ былъ таить въ своемъ сердцѣ чувства мести и злобы до удобнаго случая.

Іоаннъ видѣлъ вокругъ себя только худые примѣры, и они оказали свое пагубное дѣйствіе. Уже съ раннихъ лѣтъ онъ обнаруживалъ большую жестокость, которая проявлялась и въ самыхъ дѣтскихъ его забавахъ: онъ находилъ удовольствіе мучить животныхъ; а люди, которые должны были смотрѣть за нимъ, не останавливали его, позволяли ему дѣлать все, что онъ хотѣлъ, потакали ему. Или, разъѣзжая иногда съ толпою сверстниковъ по улицамъ Москвы, со смѣхомъ давилъ конями встрѣчавшихся людей. А придворные льстецы не удерживали юношу отъ этихъ возмутительныхъ потѣхъ, напротивъ того, съ восхищеніемъ говорили: „храбрый это будетъ царь и мужественный!“ Поощряя Іоанна къ подобнымъ забавамъ, лишь бы

отклонить его отъ вмѣшательства въ ихъ управленіе, бояре сами себѣ приготовили грозу.

Въ первый разъ Іоаннъ показалъ себя самодержавнымъ государемъ, когда ему было 13 лѣтъ. Озлобленный поступкомъ правителя Андрея Шуйскаго съ Воронцовымъ, молодой государь въ концѣ 1543 года велѣлъ вдругъ схватить его и отдалъ его на растерзаніе своимъ псарямъ. Родственники и приверженцы его были разосланы изъ Москвы. „Отъ тѣхъ мѣстъ—говоритъ лѣтописецъ—начали бояре отъ государя страхъ имѣть и послушаніе.“

Господство Шуйскихъ кончилось; но мѣсто ихъ заступили дядья государя по матери, Юрій и Михаилъ Васильевичи Глинскіе. Безпорядки боярскаго управленія продолжались еще нѣсколько лѣтъ. Многіе поплатились за неумѣнье угодить Глинскимъ: однихъ выслали въ ссылку, другихъ казнили. Немало терпѣлъ отъ Глинскихъ и ихъ приверженцевъ и простой народъ.

Глава IV.

Вѣнчаніе на царство и женитьба Іоанна.

Іоаннъ достигъ 16-тилѣтняго возраста. Вынесши изъ своего безотраднаго дѣтства чувство вражды къ людямъ, похищавшимъ его права и обходившимся съ нимъ неуважительно и смотря по-

этому подозрительно на всѣхъ своихъ вельможъ, молодой государь только и думалъ о томъ, какъ бы упрочить свою власть. Призвавъ къ себѣ митрополита и бояръ, Іоаннъ объявилъ имъ: „хочу азъ поискати прежнихъ своихъ прародителей чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князья и сродичъ нашъ, великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, на великое княженіе садились; и азъ по тому жъ тотъ чинъ хочу исполнити и на царство на великое княженіе хочу сѣсти.“ 16 го января 1547 года Іоаннъ торжественно вѣнчался на царство и принялъ титулъ *царя*, съ которымъ соединялось понятіе о власти болѣе обширное, чѣмъ съ прежнимъ титуломъ великаго князя: онъ хотѣлъ уподобиться и по власти, и по титулу царямъ: Давиду, Соломону, Константину Великому, о которыхъ онъ много читалъ.

Вскорѣ за вѣнчаніемъ на царство совершена была и царская свадьба. Еще до вѣнчанія разосланы были по городамъ граматы съ предписаніемъ намѣстникамъ свозить дѣвицъ въ Москву на смотръ. Выбранныя намѣстниками дѣвицы свезены были въ Москву, и выборъ молодаго царя палъ на дѣвицу древняго и знатнаго рода—*Анастасію Романовну*, дочь умершаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. 3-го февраля совершенъ былъ обрядъ бракосочетанія. Царица имѣла благотворное вліяніе на своего супруга. Въ лѣтописи читаемъ: „предобрая Анастасія наставляла и приводила Іоанна на всякія добродѣтели.“ Тѣмъ не менѣе однако

Іоаннъ и послѣ женитьбы продолжалъ вести разгульную, безпорядочную жизнь. Да и нельзя было ожидать въ немъ быстрой перемѣны: какъ ни любилъ Іоаннъ царицу, но, не привыкнувъ до сихъ поръ сдерживать себя, онъ не могъ тотчасъ поддаться ея умиротворяющему вліянію.

Сильное вліяніе на молодаго царя произвело слѣдующее страшное событіе.

Библіотека

Глава V.

Великій московскій пожаръ.

12-го апрѣля въ Москвѣ вспыхнулъ сильный пожаръ, а 20 го числа—другой. 3 го іюня въ одной церкви упалъ большой колоколъ-благовѣстникъ, что считалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Жилъ въ это время въ Москвѣ юродивый Василій Блаженный, *котораго народъ чтилъ какъ угодника Божія.* Этотъ-то человѣкъ Божій 20-го іюня въ полдень, остановившись у церкви Воздвиженія на Арбатѣ, глядѣлъ на нее и горько плакалъ. „Не къ добру это, чуетъ онъ бѣду!“ говорили въ народѣ. На другой день, 21-го іюня, въ этой самой церкви вспыхнулъ пожаръ при сильной бурѣ. Огонь потекъ какъ молнія и спалилъ на западъ все вплоть до Москвы-рѣки у Семчинскаго сельца. Потомъ буря обратилась на Кремль, гдѣ вспыхнулъ верхъ

Успенскаго собора, крыши на царскомъ дворцѣ, казенный дворъ, Благовѣщенскій соборъ; сгорѣла оружейная палата съ оружіемъ, постельная палата съ казною, дворъ митрополичій; по каменнымъ церквамъ сгорѣли иконостасы и людское добро, которое и въ это время продолжали прятать по церквамъ. Въ Успенскомъ соборѣ уцѣлѣлъ иконостасъ и всѣ церковные сосуды. Митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыма въ соборѣ: онъ ушелъ было сначала на городскую стѣну, на тайникъ, проведенный къ Москвѣ-рѣкѣ; но не могъ долго оставаться здѣсь отъ дыма. Его стали спускать съ тайника на канатѣ на взрубъ къ рѣкѣ,— канатъ оборвался, и митрополитъ сильно расшибся, такъ что едва могъ придти въ себя, и былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Кремлевскіе монастыри—Чудовъ и Вознесенскій сгорѣли. Въ Китай-городѣ сгорѣли всѣ лавки съ товарами и всѣ дворы.

Бывали въ Москвѣ пожары частые и большіе, но такого не бывало еще ни разу: тысячи людей потеряли все свое добро и остались подъ чистымъ небомъ, безъ крова, безъ куска хлѣба. Сгорѣло болѣе 1,700 человѣкъ.

Царь съ царицей, съ братомъ и со многими боярами уѣхалъ во время пожара на Воробьевы горы. На другой день онъ отправился провѣдать больнаго митрополита. Тутъ до него дошла молва, что Москва сгорѣла отъ злаго волшебства. Царь велѣлъ розыскать дѣло. Бояре поѣхали въ Кремль,

на площадь къ Успенскому собору. собрали черный народъ и стали спрашивать: кто поджигалъ Москву? Въ народѣ отвѣчали, что пожаръ напустили князья Глинскіе, что княгиня Анна Глинская (бабушка государя) съ своими сыновьями и людьми вынимала человѣческія сердца и клала въ воду, да тою водою. ѣздя по Москвѣ. кропила,—оттого и пожаръ произошелъ. Между боярами стоялъ въ это время и одинъ изъ князей Глинскихъ. Услыхавъ про своихъ такія рѣчи. онъ почуялъ недоброе и поспѣшилъ укрыться въ Успенскій соборъ. Толпа съ ревомъ бросилась въ соборъ. убила Глинскаго. выволокла его трупъ на площадь, потащила по улицамъ и бросила на торгу, гдѣ казнили преступниковъ. Затѣмъ расходившаяся чернь кинулась на хоромы Глинскихъ, растаскала все ихъ добро, перебила слугъ ихъ, а въ числѣ ихъ и многихъ чужихъ, принявъ ихъ за княжескую челядь.

Прошло два дня. Заводчиковъ убійства не розыскивали и не хватали. Это придало народу смѣлости: толпы повалили на Воробьевы горы и съ громкими криками стали требовать, чтобы царь выдалъ Глинскихъ. Царь велѣлъ хватать и казнить самыхъ бойкихъ крикуновъ; на остальныхъ напалъ страхъ, и они разбѣжались

Глава VI.

Сильвестръ и Адашевъ.

Пожаръ и народное волненіе произвели сильное впечатлѣніе на молодаго царя. Когда онъ съ Воробьевыхъ горъ смотрѣлъ на пылающую Москву, когда видѣлъ, какъ огонь пожиралъ храмы Божіи, царскія палаты и достояніе его предковъ, тогда, по собственному признанію его, страхъ вошелъ къ нему въ душу и трепетъ въ кости. Припомнилъ онъ все зло, сдѣланное имъ людямъ безвиннымъ, припомнилъ, какъ угнеталъ бѣдный народъ всякимъ насиліемъ. Этотъ пожаръ—не кара ли небесная за его тяжкіе грѣхи? Это волненіе народное – не внушеніе ли свыше ему, царю, забывшему о своемъ царскомъ долгѣ?

И вотъ въ минуту этого тяжелаго раздумья „прiиде къ нему одинъ мужъ, пресвитеръ чиномъ, именемъ Сильвестръ, пришлецъ изъ Нова-града Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньми и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ.“ Съ трепетомъ и боязнью слушалъ царь суровую рѣчь проповѣдника-обличителя, явившагося въ самую благопріятную минуту: сердце его, уже открытое на добро, смягчилось, гордый разумъ смирился; онъ раскаялся, рѣшился исправиться и отдаться всею душою своимъ высокимъ царскимъ обязанностямъ.

Не довѣряя по прежнему знатнымъ боярамъ. владычество которыхъ было такъ свѣжо въ памяти и у него самого и у народа, молодой царь приблизилъ къ себѣ священника придворнаго Благовѣщенскаго собора Сильвестра, который, конечно. былъ извѣстенъ ему и прежде, но теперь, послѣ описаннаго случая на Воробьевыхъ горахъ, получилъ особенно сильное вліяніе на него и сдѣлался главнымъ его совѣтникомъ. Сильвестръ былъ человѣкъ безупречной нравственности, твердаго характера, разсудительный, любившій во всемъ порядокъ и благочиніе (онъ написалъ *Домострой*— собраніе правилъ и наставленій, которымъ предлагаетъ слѣдовать всякому. кто желаетъ жить праведною жизнью).

Кромѣ Сильвестра царь приблизилъ къ себѣ Алексѣя Федоровича Адашева, ложничаго своего, человѣка очень незначительнаго происхожденія. Адашевъ былъ очень умный и высокочестный человѣкъ.

Сильвестръ и Адашевъ мало-по-малу собрали вокругъ царя лучшихъ и способнѣйшихъ людей того времени, возвышая и незнатныхъ людей, но честныхъ и способныхъ, и давая имъ важныя должности.

Глава VII.

Земскій соборъ. Судебникъ и Стоглавъ.

Прошло два года послѣ великаго московскаго пожара. Царь, достигшій двадцатилѣтняго возраста, захотѣлъ торжественно предъ цѣлымъ народомъ своимъ объявить, что онъ самъ началъ править государствомъ, а потому прежніе безпорядки и прежнія насилія, бывшіе слѣдствіемъ боярскаго управленія, не повторятся болѣе. Для этого въ 1550 году собранъ былъ первый *земскій соборъ*, то-есть созваны были въ Москву избранные люди со всей земли. Когда эти избранные люди съѣхались, Іоаннъ въ одинъ воскресный день вышелъ съ крестами на Лобное мѣсто (возвышеніе на Красной площади) и послѣ молебна обратился къ митрополиту съ такою рѣчью.

„Молю тебя, святый владыко, будь мнѣ пособникъ и наставникъ. Знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Вѣдаешь самъ, что я послѣ отца моего остался четырехъ лѣтъ. а послѣ матери—восьми; родственники обо мнѣ не заботились; сильные бояре и вельможи не радѣли обо мнѣ, властвовали, какъ хотѣли, и сами себѣ саны и почести давали именемъ моимъ. Много неправдъ творили они; я же, по своей молодости и безпомощности, словно глухой не слышалъ и какъ нѣмой не имѣлъ противъ нихъ слова обличенія. О, нечестивые ли-

хоимцы и хищники, и судьи неправедные! Какой отвѣтъ теперь дадите намъ за то, что изъ-за васъ пролито столько слезъ и крови? Я чистъ отъ сей крови, вы же ждите воздаянія за нее....“

Затѣмъ, поклонившись на всѣ стороны, Іоаннъ продолжалъ: „Людіе Божіи и намъ Богомъ дарованные! молю вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшаго зла: могу только спасать васъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительствъ въ будущемъ. Забудьте, чего уже нѣтъ и не будетъ! Оставьте ненависть и вражду; соединимся всѣ любовію христіанскою. Отнынѣ я— судья вашъ и защитникъ.“

Въ этотъ же самый достопамятный день царь пожаловалъ Адашева въ окольничьи и сказалъ ему:

„Алексѣй! взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и теперь взыскалъ тебя выше мѣры твоей, для помощи души моей. Хотя твоего желанія и нѣтъ на это, но я тебя пожелалъ, и не одного тебя, но и другихъ такихъ-же, ктобъ печаль мою утолилъ и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣлъ. Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ; не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ; но все разсматривай внимательно и приноси къ намъ истину, боясь

суда Божія; избери судей правдивыхъ отъ бояръ и вельможъ."

На утвержденіе земскаго собора представленъ былъ новый *судебникъ*, потому что старый судебникъ Іоанна III оказывался уже недостаточнымъ. Такъ какъ въ это время явилась сильная потребность въ мѣрахъ противъ злоупотребленій правителей и судей, то эта потребность не могла не выразиться и въ судебникѣ Іоанна IV. чѣмъ этотъ судебникъ вообще и отличается отъ судебника дѣда его. Новый судебникъ не ограничивается общимъ запрещеніемъ судьямъ дружить, мстить и брать посулы (взятки), а грозитъ опредѣленнымъ наказаніемъ въ случаѣ ослушанія.

Іоаннъ хотѣлъ ограничить злоупотребленія областныхъ правителей (намѣстниковъ и волостелей). На содержаніе ихъ обыкновенно назначались поборы съ самихъ жителей деньгами или разными припасами и доходы съ подсудимыхъ. Это называлось вообще *кормленіемъ*. Но корыстолюбивые правители часто, не довольствуясь законными поборами, притѣсняли народъ своимъ неправосудіемъ, а слѣдствіетъ этого были безпрестанныя жалобы. Поэтому царь Іоаннъ возобновилъ древній обычай, по которому городскія и сельскія общины сами выбирали себѣ судей и правителей. Эти новыя выборныя власти получили названія: *губныхъ* (или окружныхъ) старостъ, *излюбленныхъ* головъ, *земскихъ* судей и проч. Выборнымъ людямъ отъ самихъ общинъ были поручены раскладка и сборъ податей,

поимка и казнь „лихихъ людей“ (воровъ и разбойниковъ).

Затѣмъ Іоаннъ сдѣлалъ попытку опредѣлить болѣе точнымъ образомъ, въ какихъ случаяхъ можетъ быть допускаемо *мѣстничество*. Такъ назывался укоренившійся въ Московскомъ государствѣ обычай считаться знатностью рода при занятіи *мѣста* въ войскѣ, въ областномъ управленіи, въ придворныхъ церемоніяхъ. за царскимъ столомъ и проч. Этотъ обычай подавалъ поводъ къ безпрестаннымъ спорамъ и особенно вредилъ военному дѣлу. потому что, держась его, приходилось назначать главными воеводами людей не самыхъ способныхъ и годныхъ, а самыхъ знатныхъ.

Въ 1551 году Іоаннъ созвалъ церковный соборъ и подалъ отцамъ, засѣдавшимъ на этомъ соборѣ, длинный списокъ безпорядковъ, для прекращенія которыхъ требовалъ ихъ содѣйствія. Соборъ этотъ называется *Стоглавымъ*, потому что царскіе вопросы, предложенные царемъ собору, составляли *сто главъ*, или статей. Стоглавый соборъ постановилъ, чтобы сто священниковъ выбрали себѣ старосту, лучшаго человѣка, который собиралъ бы ихъ для совѣщаній о духовныхъ дѣлахъ; также постановилъ выбирать добрыхъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ, благочестивыхъ и грамотныхъ, и у нихъ въ домахъ устроить училища; для больныхъ и престарѣлыхъ опредѣлилъ по всѣмъ городамъ устроить богадѣльни мужскія и женскія.

На этомъ же соборѣ былъ поднятъ очень важ-

ный вопросъ того времени—*о выкупѣ плѣнныхъ у татаръ*. Эти варвары съ XIII по конецъ XVII вѣка страшно терзали Россію. Не разъ Русская земля бывала въ конецъ разоряема и поплѣняема ими. Татары уводили въ плѣнъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, сколько только могли, убивая дѣтей, стариковъ и слабыхъ. Рѣдкій набѣгъ татаръ не оканчивался плѣненіемъ нѣсколькихъ тысячъ русскихъ всѣхъ сословій; иногда они уводили по 50,000 и болѣе. Это нужно сказать преимущественно о крымскихъ татарахъ, впрочемъ имъ не уступали и татары казанскіе: въ 1551 году изъ одной Казани было освобождено 60,000 нашихъ плѣнныхъ. Плѣнный у татаръ былъ вдвойнѣ несчастенъ: онъ терялъ свободу. общеніе съ церковью и ея таинствами и былъ въ постоянной опасности утратить вѣру христіанскую. Такимъ образомъ, выкупъ плѣнныхъ былъ дѣломъ общенароднаго христіанскаго милосердія, и вотъ почему вопросъ объ освобожденіи плѣнныхъ былъ предложенъ царемъ Іоанномъ Стоглавому собору наравнѣ съ другими важнѣйшими религіозными и земскими дѣлами. Соборъ предложилъ сдѣлать выкупъ плѣнныхъ дѣломъ земскимъ, и при томъ постоянною посошною податью, хотя соборные старцы Троицкаго монастыря, движимые чистѣйшимъ религіознымъ чувствомъ, желали удержать за искупленіемъ плѣнныхъ характеръ *духовнаго* дѣла

Глава VIII.

Покореніе Казани.

Занимаясь важными дѣлами внутренними, молодой царь Іоаннъ Васильевичъ не оставлялъ безъ вниманія и внѣшнихъ дѣлъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его послѣ принятія царскаго титула—и самымъ блистательнымъ дѣломъ всего царствованія его—было покореніе Казанскаго царства

Въ концѣ правленія великой княгини Елены Казанское и Крымское царства соединились подъ властью одного дома Гиреевъ и потому сдѣлались, очень опасны для русскихъ. Сафа-Гирей казанскій опустошалъ области Муромскую и костромскую, а Саибъ-Гирей крымскій подходилъ къ Окѣ со всею ордою. Въ концѣ 1547 года Іоаннъ рѣшился самъ выступить въ походъ противъ Казани, но вслѣдствіе распутицы принужденъ былъ воротиться назадъ, не дошедши до Казани. Онъ возвратился въ Москву въ большихъ слезахъ и въ великой печали, что Богъ не сподобилъ его совершить похода. Спустя два года, Іоаннъ предпринялъ второй походъ противъ Казани, который однако также не имѣлъ успѣха. Приступъ къ городу не удался: съ обѣихъ сторонъ побито было множество народа, а потомъ настала оттепель, подули сильные вѣтры полилъ дождь. Простоявъ подъ Казанью 11 дней, царь возвратился въ Москву.

Между тѣмъ въ Казани происходила борьба двухъ сторонъ — Крымской и Московской. Московской сторонѣ скоро помогло то обстоятельство, что когда въ Москвѣ государь выросъ и съ большимъ усердіемъ сталъ заниматься дѣлами правленія. въ Казани ханъ Сафа Гирей умеръ, оставивъ престолъ сыну-младенцу Когда Казань находилась въ рукахъ Сафа-Гирея, злѣйшаго врага русскихъ, она, по выраженію современниковъ, „допекала Руси хуже Батыева разоренія: Батый только одинъ разъ протекъ Русскую землю, словно горящая головня; а казанцы безпрестанно нападали на русскія земли, жгли, убивали и таскали людей въ плѣнъ.“ Понимая всю непрочность своего положенія съ царемъ-младенцемъ, казанцы послали къ Іоанну пословъ съ челобитьемъ, чтобы онъ далъ имъ на царство прежняго царя Шигъ-Алея, а царя Утемишъ-Гирея (сына Сафа-Гирея) взялъ къ себѣ. Московскій царь исполнилъ ихъ желаніе. Но Шигъ-Алей, покорствуя и стараясь угодить Москвѣ, возбудилъ противъ себя сильную ненависть въ Казани. Противъ него составился заговоръ. Узнавъ о заговорѣ, Шигъ-Алей предупредилъ заговорщиковъ, зазвалъ ихъ къ себѣ на пиръ и велѣлъ ихъ перебить, числомъ 70 человѣкъ, а другіе разбѣжались. Послѣ этого ненависть къ Шигъ-Алею еще болѣе усилилась.

Ненависть къ Шигъ-Алею, при невозможности избавиться отъ него, при невозможности борьбы съ Москвою, покровительствовавшею ему, навела казанцевъ на мысль предложить Іоанну полное под-

данство, лишь бы только онъ вывелъ отъ нихъ Шигъ-Алея. Въ январѣ 1552 года къ Іоанну явились казанскіе послы и объявили, что имъ есть приказъ отъ Казанской земли просить государя, чтобы онъ свелъ Шигъ-Алея и далъ имъ въ намѣстники своего боярина. Если же государь не согласится на это, то казанцы будутъ добывать себѣ государя изъ другихъ земель. Іоаннъ согласился на это. 6-го марта Шигъ-Алей выѣхалъ изъ Казани. Въ тотъ же день бояринъ князь Семенъ Ивановичъ Микулинскій послалъ въ Казань двухъ казаковъ съ граматами, въ которыхъ говорилось, что по челобитью казанскихъ князей государь царя Шигъ-Алея съ царства свелъ и далъ имъ въ намѣстники его, князя Семена, чтобы они присягнули, и тогда онъ поѣдетъ къ нимъ. Все шло хорошо Казанцы начали спокойно присягать царю московскому, и Микулинскій былъ уже на пути въ Казань. Но вдругъ все неожиданно перемѣнилось. Дорогою трое казанскихъ вельможъ, сопровождавшихъ Микулинскаго, отпросились у него въ Казань. Пріѣхавъ въ Казань, они затворили городъ и объявили жителямъ, что русскіе непремѣнно истребятъ ихъ всѣхъ всѣхъ. Подъѣхавъ къ *Царевымъ воротамъ*, Микулинскій нашелъ ихъ затворенными, а на городскихъ стѣнахъ увидѣлъ вооруженныхъ людей. Простоявъ полтора дня подъ Казанью, московскіе воеводы отступили отъ города. А казанцы послали къ погаямъ просить себѣ въ цари од-

ного изъ тамошнихъ владѣльцевъ. Царемъ ихъ сдѣлался Едигеръ-Магметъ

Получивъ извѣстіе объ этой вѣроломной измѣнѣ казанцевъ, Іоаннъ рѣшился покончить съ Казанью. Созванъ былъ совѣтъ, на которомъ было высказано много разныхъ мнѣній. Принимая во вниманіе, что война предстоитъ не съ одними только казанцами, но также и съ ногаями, и съ Крымомъ, предлагали послать подъ Казань воеводъ, а самому царю остаться въ Москвѣ. Но Іоаннъ рѣшительно объявилъ, что хочетъ отправиться въ походъ непремѣнно самъ, считая это *своимъ дѣломъ*, нравственно обязательнымъ для себя.

16-го іюня 1552 года царь выступилъ въ походъ. Но если Іоаннъ укрѣплялся въ своемъ рѣшеніи раздѣлаться съ Казанью религіознымъ одушевленіемъ и сознаніемъ необходимости избавить свой народъ отъ жесточайшаго его врага, то и казанцы рѣшились защищаться отчаянно: они также сознавали, что начинающаяся война должна имѣть для нихъ роковое значеніе, что вопросъ идетъ теперь для нихъ о томъ, быть имъ, или не быть. Христіанскій царь шелъ на мусульманское царство: спасать отъ него Казань сдѣлалось общимъ убѣжденіемъ всѣхъ мусульманъ. Отовсюду—изъ Астрахани, изъ Крыма, изъ Сибири, отъ ногайцевъ стекались въ Казань татарскіе удальцы. Не даромъ современники говорили, что на защиту Казани устремлены были всѣ силы ада.

Въ самомъ началѣ пути Іоаннъ получилъ вѣсть,

что крымскій ханъ съ большимъ войскомъ идетъ къ русскимъ границамъ. Поэтому онъ рѣшился немедленно переправиться черезъ Оку и встрѣтить хана. Но затѣмъ пришла вѣсть, что крымцы, осадившіе Тулу, не могли взять ея, были побиты на вылазкѣ и бѣжали назадъ въ степь, оставивъ весь свой огнестрѣльный снарядъ въ добычу русскимъ. Избавившись такимъ образомъ отъ крымцевъ, Іоаннъ продолжалъ походъ.

Пришедши къ Казани и ставъ подъ городомъ на лугу, Іоаннъ собралъ совѣтъ, на которомъ было рѣшено идти къ Казани не мѣшкая, а къ казанцамъ послать граматы. что если они захотятъ безъ кровопролитія бить челомъ государю, то государь смилуется надъ ними. Граматы были посланы 15-го августа. Казанскій царь отвѣчалъ на нихъ ругательствомъ на христіанство, на Іоанна и вызовомъ на брань.

23 го августа началась осада Казани. Эта достопамятная осада была *первымъ* правильнымъ опытомъ русскихъ въ искусствѣ брать города, и защитники Казани проявили необыкновенное мужество, отчаяніе истинно великодушное, такъ что побѣда была куплена русскими весьма дорогою цѣною.

За высокими и крѣпкими деревянными (дубовыми) стѣнами съ боевыми башнями, окружавшими Казань и окруженными въ свою очередь широкимъ и очень глубокимъ рвомъ, скрывалось 30.000 отборнаго войска и 2.700 ногаевъ. Осаждающее вой-

ско простиралось до 150.000 человѣкъ при 150 пушкахъ.

Когда русское войско подступало къ Казани, тамъ все казалось тихо и пусто: многіе изъ нашихъ думали, что царь казанскій отъ страха бѣжалъ съ войскомъ въ лѣса. Но опытные, бывалые воеводы совѣтовали не вдаваться въ обманъ и имѣть тѣмъ большую осторожность. Стрѣльцы и казаки начали взбираться на высоту и были уже недалеко отъ городскихъ стѣнъ, какъ вдругъ раздался шумъ и крикъ: отворились со скрипомъ ворота, и 15,000 татаръ конныхъ и пѣшихъ ударили на русскихъ, разстроили и сломили ихъ. На помощь къ нашимъ подоспѣло подкрѣпленіе. Началась горячая схватка. Русскіе изъ оборонительнаго положенія перешли въ наступательное, бросились на непріятеля, смяли его и гнали до самыхъ городскихъ воротъ.

Успѣшному ходу осады много мѣшалъ князь Япанча, засѣвшій съ татарскими удальцами въ лѣсу за Арскимъ полемъ и не дававшій русскимъ покоя своими неожиданными наѣздами: появится на самой высокой городской башнѣ большое магометанское знамя, и вотъ Япанча, по этому условному знаку, нападаетъ на русскихъ изъ лѣсу, а казанцы изъ всѣхъ воротъ бросаются на ихъ укрѣпленія, и начиналась лютая сѣча. Наконецъ русскіе истребили весь отрядъ Япанчи.

31-го августа царь велѣлъ нѣмчину *размыслу* (инженеру) сдѣлать подкопъ подъ Казань. Узнавъ,

что осажденные берутъ воду изъ тайника (подземнаго ключа), къ которому ходятъ подземнымъ путемъ, Іоаннъ велѣлъ уничтожить тайникъ; когда же ему сказали, что этого сдѣлать нельзя, то онъ приказалъ дѣлать подкопъ подъ него. День и ночь работали надъ подкопомъ подъ тайникъ цѣлые пять дней; наконецъ подкопались подъ мостъ, куда казанцы ходили за водою: дѣлавшіе подкопъ услыхали надъ собою голоса людей, ѣхавшихъ за водою. Поставлено было подъ тайникъ 11 бочекъ зелія (пороху), и 4 го сентября онъ взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ казанцами, шедшими за водой: поднялась на воздухъ часть стѣны, и множество казанцевъ въ городѣ было побито камнями и бревнами, падавшими съ огромной высоты. Казанцы обмерли отъ ужаса. Русскіе стремительно бросились въ проломъ и положили на мѣстѣ множество татаръ. Но казанцы очнулись отъ страха и отразили русскихъ. Царь на этотъ разъ удержалъ войско отъ новаго приступа.

Уже около пяти недѣль стояли русскіе подъ Казанью, убивъ во время вылазокъ и въ городѣ не менѣе 10,000 непріятелей, а осадѣ еще не предвидѣлось конца. 30 го сентября русскимъ удалось взобраться на стѣны, занять Арскую башню и втѣсниться въ самый городъ. Воеводы совѣтовали царю пользоваться удачею и вести общій приступъ. Но такъ какъ не всѣ полки были готовы къ этому дню, то, по царскому приказанію, воиновъ вывели насильно изъ города.

Общій приступъ къ городу назначенъ былъ 2 го октября, въ воскресенье. Во всѣхъ полкахъ ратнымъ людямъ велѣно было исповѣдаться и причаститься наканунѣ роковаго дня. Но прежде рѣшительнаго приступа царь хотѣлъ въ послѣдній разъ испытать дѣйствіе мирныхъ переговоровъ: онъ послалъ къ казанцамъ съ предложеніемъ, чтобы они били челомъ государю,—если они отдадутся въ его волю и выдадутъ измѣнниковъ, то государь проститъ ихъ. Предложеніе было отвергнуто. Осажденные въ одинъ голосъ отвѣчали: „Не бьемъ челомъ! На стѣнахъ Русь, на башнѣ Русь—ничего: мы другую стѣну поставимъ, и всѣ помремъ или отсидимся!“

Занялась заря. Небо было ясное, чистое. Казанцы, готовые къ бою, стояли на стѣнахъ, русскіе — въ своихъ укрѣпленіяхъ. Передъ разсвѣтомъ царь бесѣдовалъ наединѣ со своимъ духовникомъ, затѣмъ надѣлъ свой доспѣхъ и отправился въ свою походную церковь. Въ это время его увѣдомили, что размыслъ все уже приготовилъ: 48 бочекъ пороху подведено подъ городъ, и мѣшкать болѣе нельзя ни минуты, потому что изъ города замѣтили приготовленія. Іоаннъ послалъ возвѣстить по всѣмъ полкамъ, чтобы всѣ изготовились къ бою, отпустилъ отъ себя всѣхъ воеводъ по ихъ мѣстамъ и велѣлъ своему полку ждать себя въ урочномъ мѣстѣ.

Кончилась утреня. Царь слушалъ обѣдню. Дьяконъ оканчивалъ чтеніе евангелія и лишь только

возгласилъ послѣднія слова: *и будетъ едино стадо и единъ Пастырь*, какъ грянулъ взрывъ, словно громъ: земля дрогнула.... Царь выступилъ немного изъ церковныхъ дверей и увидѣлъ страшное зрѣлище: дымъ и земля, взорванная порохомъ, затмили воздухъ; бревна, камни и множество людей летѣли въ вышину. Онъ вернулся въ церковь, чтобы дослушать службу, и продолжалъ молиться еще усерднѣе. Дьяконъ произносилъ послѣ евангелія въ сугубой ектеніи прошеніе: *О пособити и покорити подъ ногы его всякаго врага и супостата.* Въ эту минуту разразился второй взрывъ—сильнѣе перваго. Ужасно было видѣть множество истерзанныхъ труповъ и искалѣченныхъ людей, летящихъ въ воздухѣ на страшной высотѣ! Съ крикомъ: „съ нами Богъ!“ русское войско со всѣхъ сторонъ кинулось на городъ. Татары призывали на помощь Магомета и съ яростью схватывались съ русскими Жестокая сѣча кипѣла въ городскихъ воротахъ. въ проломахъ и на стѣнахъ. Одинъ изъ царскихъ приближенныхъ вошелъ въ церковь и сказалъ Іоанну: „Государь! время тебѣ ѣхать,—ужъ полки ждутъ тебя!“—„Если до конца пѣнія дождемся—отвѣчалъ ему царь,—то получимъ отъ Христа совершенную милость.“ Явился второй вѣстникъ и сказалъ, что царю непремѣнно нужно ѣхать сейчасъ же, чтобы воины, увидѣвъ его, укрѣпились въ бою. Царь глубоко вздохнулъ и слезы полились изъ глазъ его. „Не остави мене, Господи Боже мой молился онъ -и не отступи

отъ мене, воинъ въ помощь мою!“ Обѣдня уже оканчивалась. Іоаннъ приложился къ образу чудотворца Сергія, выпилъ святой воды, вкусилъ просфоры, принялъ благословеніе у духовника и сказалъ духовенству: „Простите меня и благословите пострадать за вѣру Христову, молите Бога непрестанно, помогайте намъ молитвою!“ Затѣмъ онъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ своему полку.

Русскія знамена уже развивались на городскихъ стѣнахъ, когда Іоаннъ подъѣхалъ къ городу. Присутствіе царя придало ратникамъ новыя силы. Самая жаркая битва кипѣла около мечети, въ которой затворилось значительное количество татаръ вмѣстѣ съ своимъ главнымъ муллою: татары отчаянно защищали свою святыню. Когда же въ жаркой схваткѣ палъ ихъ мулла, то оставшіеся въ живыхъ кинулись на царевъ дворъ. Царь Едигеръ заперся въ своемъ дворцѣ и сильно отбивался отъ русскихъ. Наконецъ, видя, что тутъ ему не спастись, ринулся съ своимъ отрядомъ къ воротамъ, думая прорваться сквозь ряды русскихъ изъ города. Но русскіе загородили ему путь. Тогда татары по трупамъ своихъ взобрались на башню и закричали русскимъ, что хотятъ вступить съ ними въ переговоры. Русскіе перестали биться, и татары начали говорить: „Пока стоялъ юртъ и мѣсто главное, гдѣ престолъ царскій былъ, до тѣхъ поръ мы бились до смерти за царя и за юртъ. Теперь мы отдаемъ вамъ царя живаго и здороваго: везите его къ своему царю! А мы выйдемъ на

широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу.“ Выдавъ русскимъ своего царя, татары бросились прямо со стѣны на берегъ Казанки и хотѣли пробиться къ рѣкѣ, но, встрѣченные залпомъ изъ русскихъ пушекъ, поворотили налѣво внизъ, бросили доспѣхи, разулись и перебрели рѣчку, въ числѣ 6000 человѣкъ. Но двое братьевъ, князья Курбскіе, сѣли на коней, съ многочисленною дружиною обскакали непріятеля, отрѣзали ему дорогу и вступили съ нимъ въ бой, кончившійся совершеннымъ пораженіемъ татаръ: только немногіе изъ нихъ успѣли убѣжать въ лѣсъ, и то раненые.

Узнавъ, что Казань находится въ рукахъ его войска, царь велѣлъ служить благодарственный молебенъ подъ своимъ знаменемъ, собственноручно водрузилъ крестъ и велѣлъ поставить церковь во имя Нерукотвореннаго образа Спасова на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя во время взятія города. Потомъ очищена была отъ труповъ одна улица въ Казани, и царь въѣхалъ въ столицу побѣжденнаго царства. Нѣсколько тысячъ христіанъ, томившихся до сихъ поръ въ неволѣ, увидѣвъ царя, кланялись ему въ землю и со слезами кричали: „Избавитель ты нашъ! Ты спасъ насъ изъ ада! Ты ради насъ несчастныхъ не щадилъ своей головы!“ Всѣ русскіе были въ большой радости. „На томъ мѣстѣ (говоритъ лѣтописецъ), гдѣ прежде водворялись нечестивые цари и много лѣтъ проливалась кровь бѣдствующихъ христіанъ, теперь возсіяло праведное солнце, животворящій крестъ, образъ

Владыки нашего Христа и Пречистой Его Матери и великихъ чудотворцевъ."

4-го октября вся Казань была очищена отъ труповъ. Царь поѣхалъ въ нее въ другой разъ, выбралъ среди города мѣсто, водрузилъ на немъ своими руками крестъ и заложилъ церковь въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицѣ. Намѣстникомъ своимъ въ Казань Іоаннъ назначилъ большаго боярина, князя Александра Борисовича Горбатаго.

Съ великимъ торжествомъ возвратился Іоаннъ въ Москву, какъ побѣдитель татарскаго царства.

Въ 1555 году открыта была Казанская епархія, и первымъ архіепископомъ казанскимъ былъ св. Гурій, мощи котораго почиваютъ въ каѳедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ. А въ Москвѣ, въ память завоеванія Казани, Іоаннъ сооружилъ на Красной площади соборъ въ честь Покрова Пресвятой Богородицы, извѣстный въ народѣ болѣе подъ именемъ *Церкви Василія Блаженнаго* (здѣсь почиваютъ мощи этого святаго). Покровскій соборъ отличается своею затѣйливою архитектурою и пестротою красокъ. Существуетъ преданіе, будто царь, восхищенный красотою этого зданія, приказалъ выколоть глаза зодчему, чтобы онъ не могъ нигдѣ въ чужомъ краю выстроить ничего подобнаго.

Глава IX.

Память въ народѣ о покореніи Казани.

Завоеваніе Казани было подвигомъ, совершеннымъ съ большими усиліями и трудностями, и подвигъ этотъ высоко поднялъ Іоанна въ глазахъ современниковъ и потомковъ: это было первое завоеваніе и—что всего важнѣе—завоеваніе татарскаго царства. Послѣ многихъ вѣковъ страданія и униженія явился наконецъ на Руси царь, возвратившій ей славное время первыхъ князей-завоевателей. Къ этому нужно присовокупить, что взятіе Казани было вызвано не личнымъ славолюбіемъ молодаго государя и не стремленіями, хотя и великими, но не для всѣхъ понятными: завоеваніе Казанскаго царства было подвигомъ необходимымъ и священнымъ въ глазахъ каждаго русскаго человѣка, такъ какъ онъ совершался для защиты христіанства отъ бусурманства, для охраненія русскихъ областей, опустошаемыхъ варварами, для освобожденія плѣнниковъ христіанскихъ. Вотъ почему завоеваніе Казани памятнѣе народу, чѣмъ Полтавская битва.

Вотъ народная пѣсня о взятіи Казани:

Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
Какъ-бы сизый орлище встрепенулся,
Какъ бы грозная туча подымалась,
На Казанское царство наплывала.

А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался великій князь московскій.
А Иванъ сударь Васильевичъ прозритель.
Со тѣми .и пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Какъ онъ, грозенъ царь, подъ Казань подступилъ.
Подъ рѣчку, подъ Казанку, подкопъ подводилъ:
Подъ другую сторону, подъ Сулай-рѣку,
Сорокъ бочекъ закатилъ со лютымъ зельемъ,
Со лютымъ зельемъ—со порохомъ.
Зажигали мы на бочкахъ свѣчи воску яраго,
Зажемши свѣчи сами прочь отошли.
А злые татарченки по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего царя бѣлаго, Ивана Васильевича, подражниваютъ:
„Ты не городъ пришелъ брать, пришелъ тылъ казать!"
На то грозный царь Иванъ Васильевичъ осердился:
„Подавай мнѣ пушкаревъ к зднть - вѣшати!"
Какъ и выбрался изъ нихъ молодой пушкарь:
„Не изволь, государь, насъ вѣшать—казнить.
Дай ты намъ, государь, рѣчи говорить:
Наружу-то свѣчи онѣ скоро горятъ,
Въ подземельи не скоро теплятся."
Не успѣлъ снова сказать - стало бочки рвать.
Стало бочки рвать—землю на-розно метать.
Какъ стѣны бросало за Сулай-рѣку
И побило всѣхъ татаръ каменичкомъ.

Глава X.

Покореніе Астрахани.

Взятіе Казани было важно въ томъ отношеніи, что открыло для русскихъ все теченіе Волги, дало возможность русскимъ людямъ селиться на

юго-востокѣ, въ безлюдной, но богатой, плодоносной странѣ, орошаемой Волгою и ея притоками. Съ паденіемъ Казани вся Волга сдѣлалась рѣкою Московскаго государства,

Въ области Казанскаго царства, по обѣимъ сторонамъ Волги—западной (правой. горной) и восточной (лѣвой. луговой), жили разные дикіе народы: черемисы, мордва, чуваши, вотяки, башкиры. Послѣ паденія Казани эти народы долго не хотѣли подчиниться московскому владычеству, такъ что нужно было еще пять лѣтъ опустошительной войны, чтобы усмирить ихъ. Въ войнѣ съ Москвою эти народы находили себѣ помощь въ ногаяхъ. подучаемыхъ турецкимъ султаномъ, который, какъ главный представитель мусульманъ, не могъ равнодушно сносить того, что магометанскія владѣнія достаются христіанамъ, и потому хотѣлъ, чтобы всѣ ближайшіе къ Москвѣ магометанскіе народы дѣйствовали противъ нея общими силами. Но ссоры между ногайскими князьями много помогли Москвѣ въ завоеваніи Астрахани. Хана астраханскаго Ямгурчея поддерживалъ князь ногайскій Юсуфъ; другой ногайскій князь, Измаилъ, просилъ у Іоанна помощи противъ Ямгурчея, который кстати оскорбилъ русскаго посла. Къ Астрахани послано было русское войско (30,000 человѣкъ). подъ начальствомъ князя Юрія Пронскаго: оно безъ всякаго труда овладѣло Астраханью, гдѣ на мѣсто бѣжавшаго Ямгурчея былъ посаженъ Дербышъ (въ 1554 году) Но Дербышъ, обязавшійся платить дань Мо-

сквѣ, оказался невѣрнымъ ей, вступивъ въ союзъ съ Крымомъ и враждебными Россіи ногаями. Въ 1557 году Іоаннъ послалъ противъ него войско, и Астрахань была окончательно присоединена къ Москвѣ. Съ тѣхъ поръ Астраханское царство существуетъ только въ титулѣ русскихъ государей. Такимъ образомъ, русскіе утвердились и на устьяхъ Волги.

Грозенъ былъ воинъ—царь нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ:
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ-силою
Онъ прошелъ страну Татарскую,
Сіе царство взялъ Казанское,
Господарство Астраханское.

Глава XI.

Отношенія къ народамъ прикавказскимъ и къ Крыму.

Вслѣдствіе успѣха русскаго оружія на Волгѣ мелкіе владѣтели кавказскіе и закавказскіе начали обращаться къ царю московскому съ просьбою о помощи и защитѣ отъ крымцевъ и турецкаго султана, нѣкоторые съ предложеніемъ подданства: пріѣзжали посольства отъ князей черкесскихъ, Шавкала, Тарскаго и др.

Въ Крыму смотрѣли неблагосклонно на усиленіе Москвы на счетъ татарскихъ царствъ и всѣми сред-

ствами старались мѣшать ему: въ 1555 году Девлетъ-Гирей, распустивъ слухъ, что идетъ на черкесовъ, сдѣлалъ нападеніе на русскую Украйну. Самъ Іоаннъ выступилъ въ походъ и пошелъ къ Тулѣ. Но ханъ, узнавъ объ этомъ, повернулъ назадъ; хотя онъ и разбилъ въ одной битвѣ Шереметева, но всетаки ушелъ обратно въ степь. Въ 1556 году по Днѣпру ходилъ дьякъ Ржевскій подъ Исламъ-Кермень и Очаковъ. А когда въ 1557 году вождь днѣпровскихъ казаковъ, князь Дмитрій Вишневецкій, изъявилъ желаніе служить Россіи, то онъ началъ безпокоить Крымъ и въ 1559 году вмѣстѣ съ окольничьимъ Адашевымъ (братомъ Алексѣя Адашева) ходилъ туда въ походъ: проникнувъ въ самый Крымъ, русскіе разорили нѣсколько улусовъ и освободили значительное число русскихъ плѣнниковъ. Приближенные люди совѣтовали Іоанну послать на Крымъ большое войско и завоевать его точно такъ же, какъ Казань и Астрахань. Но царь не рѣшился на такое невѣрное, трудно исполнимое предпріятіе: трудно было покорить, а еще труднѣе удерживать за собою Крымъ, отдѣленный отъ Россіи обширными степями. При томъ крымскій ханъ считался вассаломъ (подручникомъ) турецкаго султана; слѣдовательно, воюя съ Крымомъ, пришлось бы вступить въ борьбу съ турками. А турки были въ то время народомъ могущественнымъ и грознымъ.

Глава XII.

Книгопечатаніе въ Москвѣ.

Къ царствованію Іоанна относится введеніе книгопечатанія въ Московскомъ государствѣ. До половины XVI вѣка церковно-богослужебныя книги и свято-отеческія сочиненія употреблялись у насъ исключительно *рукописныя*. Всѣ эти книги переписывались однѣ съ другихъ большею частью неискусными и малограмотными писцами и оттого были неисправны, наполнены были ошибками иногда очень важными. Митрополитъ Макарій, ревнитель просвѣщенія, желая искоренить порчу книгъ, много трудился надъ исправленіемъ ихъ. На Стоглавомъ соборѣ вмѣнено было въ обязанность протопопамъ и благочиннымъ исправлять церковныя книги по хорошимъ спискамъ, и не пересмотрѣнныхъ книгъ не пускать въ употребленіе. Но и это не могло искоренить порчи, вкравшейся въ церковныя книги. Для предотвращенія этого зла рѣшились воспользоваться тѣмъ средствомъ, которымъ давно уже пользовались въ Европѣ и даже въ юго-западной Россіи, именно — книгопечатаніемъ. Въ 1553 году положено было основаніе первой въ Москвѣ типографіи, или *печатнаго двора*. Главнымъ мастеромъ въ первой русской типографіи былъ дьяконъ Иванъ Федоровъ, а главнымъ сотрудникомъ его — Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ. 1 го марта 1564

года вышла изъ Московскаго печатнаго двора первая славянская книга „Апостолъ“.

Первые опыты книгопечатанія въ Москвѣ окончились печально. Люди темные, привыкшіе къ однѣмъ рукописнымъ книгамъ, сочли печатаніе книгъ дѣломъ еретическимъ, а самихъ типографовъ—еретиками. Говорятъ, что недруги ихъ подожгли даже печатный дворъ. Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ бѣжали въ Литву и здѣсь продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Однако книгопечатаніе въ Москвѣ было возстановлено царемъ Іоанномъ: оно продолжалось подъ руководствомъ Никифора Тарасіева и Тимоѳея Невѣжи.

Синодальная типографія въ Москвѣ (на Никольской улицѣ), преемница перваго печатнаго двора, сохраняетъ свое первоначальное назначеніе—печатаетъ по преимуществу церковно-богослужебныя книги и снабжаетъ ими самую большую часть русскихъ церквей.

Глава XIII.

Начало сношеній съ Англіею.

Іоаннъ IV, подобно дѣду своему, Іоанну III, старался завязать сношенія съ западными государствами и привлекать въ Россію разнаго рода европейскихъ мастеровъ и ремесленниковъ. Но прямыя сношенія съ западною Европою были въ то время

затруднительны: сухимъ путемъ—мѣшала постоянно враждебная намъ Польша, а водою—единственно свободный путь представляли Бѣлое море и сѣверный Ледовитый океанъ. Этимъ отдаленнымъ и малоудобнымъ путемъ Московское государство не замедлило вступить въ торговыя связи съ англичанами.

Торговля эта началась случайно. Англійскіе купцы, видя, что новые пути, открываемые испанцами и португальцами, передаютъ въ ихъ руки міровую торговлю, задумали также найти путь, который далъ бы ихъ торговлѣ самостоятельное и важное значеніе. Послѣ долгихъ совѣщаній съ знаменитымъ мореплавателемъ Себастіаномъ Каботою, они рѣшились отправить три корабля для открытія сѣверныхъ частей свѣта и новыхъ рынковъ для сбыта англійскихъ товаровъ. Составилась компанія для открытія неизвѣстныхъ земель, которая купила и снарядила три корабля поручивъ ихъ адмиралу Виллоби и главному кормчему Ричарду Ченслеру. Въ маѣ 1553 года эти корабли. снабженные грамотою короля Эдуарда VI къ сѣвернымъ и восточнымъ государямъ, вышли изъ Темзы. Буря разлучила корабли. Два изъ нихъ у Мурманскаго берега замерзли со всѣми людьми и съ самимъ адмираломъ. Лапландскіе рыбаки нашли мертваго Виллоби сидящимъ въ палаткѣ за своимъ журналомъ. Между тѣмъ третій корабль, находившійся подъ начальствомъ Ченслера, вошелъ въ Бѣлое море и и присталъ къ устью Сѣверной Двины, гдѣ нахо-

дился въ то время монастырь св. Николая и гдѣ былъ основанъ Архангельскъ. Холмогорскій воевода далъ знать Іоанну о прибытіи англичанъ. Царь пригласилъ Ченслера въ Москву, обласкалъ его и отпустилъ въ отечество, изъявивъ желаніе завѣсти торговлю съ его единоземцами. Въ Англіи немедленно составилось общество купцовъ для посылки товаровъ въ Россію. Въ 1555 году Ченслеръ прибылъ снова въ Москву съ двумя агентами этого общества. Іоаннъ даровалъ англійскимъ купцамъ грамоту на свободную, безпошлинную торговлю въ своемъ государствѣ. А новые государи Англіи, Филиппъ и Марія, въ благодарность за льготы, данныя англичанамъ въ Московскомъ государствѣ, и русскимъ купцамъ дали право свободно и безпошлинно торговать во всѣхъ мѣстахъ своихъ владѣній, изъявивъ въ тоже время согласіе на свободный выѣздъ изъ Англіи въ Россію художниковъ и ремесленниковъ. Послѣ этого между московскимъ и англійскимъ дворомъ начались частыя дружественныя пересылки.

Глава XIV.

Ливонская война.

Хотя русскіе завязали сношенія съ англичанами чрезъ Бѣлое море, но гораздо лучшимъ и удобнѣйшимъ путемъ для сношеній съ западною

Европою могло бы служить другое море—Балтійское. Правда, русскіе владѣли еще на этомъ морѣ частью береговъ Финскаго залива, но не имѣли значительныхъ гаваней. Это запертое положеніе лишало русскихъ возможности войти въ болѣе близкія сношенія съ европейскими государствами и позаимствоваться у нихъ плодами просвѣщенія. Враждебные сосѣди старались не пропускать въ Московское государство ученыхъ и художниковъ, которые могли бы занести къ намъ просвѣщеніе: они боялись, что Московское государство, и безъ того уже для нихъ опасное, сдѣлается гораздо страшнѣе, если пріобрѣтетъ просвѣщеніе. Больше всѣхъ боялось Москвы самое слабое изъ сосѣднихъ государствъ—Ливонскій орденъ, болѣе другихъ хлопотавшій о томъ, чтобы науки не проникли въ Москву, а въ особенности, чтобы не проникли сюда военные снаряды и тѣ люди, которые могли научить русскихъ военному искусству Ливонскіе нѣмцы очень рѣзко обнаружили свою непріязнь къ Москвѣ по слѣдующему поводу. Въ 1547 году Іоаннъ отправилъ въ Германію саксонца Шлитте съ порученіемъ набрать тамъ какъ можно болѣе ученыхъ и ремесленниковъ въ русскую службу. Шлитте набралъ слишкомъ 100 человѣкъ (между ними были: медики, аптекари, цирюльники архитекторы, каменьщики, литейщики, плотники, часовщики, слесари, толмачи, рудокопы, повара, каретники, типографщикъ, портной, четыре богослова, два юриста и проч.) и привезъ ихъ уже въ

Любекъ. Здѣсь они хотѣли сѣсть на корабль, но начальство города задержало ихъ, по проискамъ ливонцевъ самого Шлитте посадили въ тюрьму, и спутники его разсѣялись. Занятый тогда важными дѣлами на востокѣ (борьбою съ татарами), Іоаннъ не могъ отмстить Ливоніи за это недоброжелательство; когда же въ 1554 году послы ливонскіе пріѣхали въ Москву съ просьбою о продолженіи перемирія, то царь велѣлъ объявить имъ, что они должны прежде заплатить ему дань за Юрьевскую (Дерптскую) область, что они обязаны были сдѣлать по старымъ договорамъ съ великими князьями русскими (въ договорѣ 1463 г., между Псковомъ и дерптскимъ епископомъ, встрѣчается упоминаніе о дани, которую, по старому обычаю, епископъ долженъ былъ платить великому князю; въ договорѣ съ Плеттенбергомъ, 1503 г., условіе о дани было подтверждено, но не исполнялось въ теченіе 50 лѣтъ). Епископъ дерптскій обѣщалъ выплатить всѣ недоимки и не исполнилъ обѣщанія. По прошествіи трехъ лѣтъ, данныхъ для уплаты дани, Іоаннъ началъ войну въ 1558 году.

Ливонскій орденъ находился въ то время уже въ упадкѣ: толпы крестоносцевъ изъ западной Европы давно уже перестали подкрѣплять его, и онъ остался одинъ, безъ всякой поддержки, посреди своихъ сильныхъ сосѣдей. Вдобавокъ къ этому и внутри его происходили раздоры: лютеране враждовали съ католиками, магистры ордена съ рижскимъ архіепископомъ. Ливонцы обратились было

за помощью къ германскому императору (цезарю); но онъ отвѣчалъ имъ указаніемъ на то, что они могутъ обратиться къ сосѣдямъ, потому что. не смотря на все его желаніе, „ему невозможно все христіанство на всѣхъ мѣстахъ даже отъ однихъ турокъ защитить и охранять“. Одинъ благоразумный патріотъ (дерптскій бургомистръ Тиле) призывалъ своихъ соотечественниковъ на пожертвованіе имуществомъ, говорилъ о необходимости единенія, указывая на то, что, откуда бы Ливонія ни призвала себѣ защитника, защитникъ этотъ поработитъ ее; но онъ проповѣдывалъ глухимъ.“

Предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, Ливонскій орденъ не могъ оказать большаго сопротивленія русскимъ войскамъ, которыя, вступивъ въ Ливонію, страшно опустошили ее. Взяты были: Нарва, Нейгаузенъ (Сыренскъ), Дерптъ, крѣпкій замокъ Феллинъ и другіе менѣе значительные города, числомъ до 20. Взятіе Дерпта, „лучшаго и пріятнѣйшаго города въ странѣ, послѣ Риги и Ревеля“, распространило ужасъ по всей Ливоніи. Всѣ чины Ливоніи слагали вину другъ на друга: орденъ на дворянство, дворянство на орденъ, горожане на дворянство, а крестьяне на всѣхъ.

Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ магистръ Кетлеръ обратился съ просьбою о помощи къ сосѣднимъ государствамъ. Изъ нихъ Швеція и Данія взялись ходатайствовать предъ царемъ за Ливонію, но не имѣли успѣха. За то Польша вступилась въ дѣло серьезно: въ 1559 году между ко-

ролемъ польскимъ Сигизмундомъ II Августомъ и ливонскимъ правительствомъ заключенъ былъ договоръ, по которому король обязался защищать владѣнія ордена отъ Москвы, при чемъ ему отдавалась въ видѣ залога (съ правомъ выкупа за 600,000 гульденовъ) полоса земли отъ Друи до Ашерадена и еще нѣсколько округовъ. Архіепископъ рижскій также отдался подъ защиту польскаго короля.

Такимъ образомъ къ войнѣ ливонской присоединилась еще война польская.

Глава XV.

Разрывъ Іоанна съ Сильвестромъ и Адашевымъ.

Теперь мы перенесемся съ полей ливонскихъ въ Москву, въ царскій дворецъ: здѣсь мы находимъ большую перемѣну и, къ сожалѣнію, перемѣну къ худшему.

Не долго продолжалось согласіе между царемъ и его ближайшими совѣтниками, Сильвестромъ и Адашевымъ: скоро между ними стали происходить непріятныя столкновенія. Властолюбивый Іоаннъ началъ тяготиться вліяніемъ своихъ любимцевъ. Сильвестръ хотѣлъ не только руководить Іоанна въ его нравственной жизни, но и имѣть вліяніе на дѣла политическія. Такъ, напримѣръ, Сильвестръ

съ своими единомышленниками совѣтовалъ царю, послѣ завоеванія Казани и Астрахани, приступить къ завоеванію третьяго татарскаго царства—Крымскаго. Но Іоаннъ не послѣдовалъ этому совѣту, находя его неудобоисполнимымъ, и напротивъ того обратилъ все свое вниманіе на войну ливонскую, на пріобрѣтеніе прибалтійскихъ областей, то-есть, имѣлъ въ виду пріобрѣтеніе западнаго просвѣщенія, которое дастъ силу и возможность къ болѣе успѣшной борьбѣ со всѣми недругами. Раздосадованный отверженіемъ своего совѣта, Сильвестръ началъ толковать, что всѣ непріятности, постигшія послѣ этого царя, были наказаніемъ Божіимъ за то, что онъ продолжалъ воевать съ Ливоніею, „сирою вдовицею“, вопреки своимъ совѣтникамъ. Затѣмъ Сильвестръ сталъ въ близкія отношенія къ тѣмъ вельможамъ, которые были непріятны Іоанну по прежнему поведенію ихъ во время его малолѣтства, и при всѣхъ столкновеніяхъ ихъ съ царемъ бралъ ихъ сторону. Наконецъ Сильвестръ и Адашевъ съ своими сторонниками соперничали съ братьями царицы Анастасіи, Романовыми, и перенесли свою вражду даже на царицу, которая съ своей стороны также питала къ нимъ нерасположеніе. Приверженцы Сильвестра называли Анастасію Евдокіею, гонительницею св. Іоанна Златоуста, разумѣя подъ Златоустомъ Сильвестра. Все это поселяло въ Іоаннѣ холодность и нерасположеніе къ его совѣтникамъ. Начало этого охлажденія и нерасположенія относится къ 1553 году.

Вскорѣ послѣ казанскаго похода Іоаннъ занемогъ такъ сильно, что опасались за его жизнь. По совѣту, вѣроятно, своихъ шурьевъ, онъ пожелалъ распорядиться престолонаслѣдіемъ: въ своей духовной онъ назначилъ наслѣдникомъ сына своего, младенца Димитрія. и требовалъ, чтобы всѣ бояре присягнули ему. Тогда во дворцѣ поднялись шумъ и брань: одни дали присягу, а другіе отказались отъ присяги и кричали: „не хотимъ служить младенцу,—нами будутъ владѣть Захарьины!“ (больной царь слышалъ изъ своей опочивальни эти крики). Послѣдніе говорили, что лучше быть государемъ взрослому человѣку и указывали при этомъ на двоюроднаго брата царскаго, Владиміра Андреевича, который также не хотѣлъ присягать Димитрію. Сильвестръ и отецъ Адашева держали сторону бояръ, отказавшихся дать присягу; самъ Адашевъ не подавалъ вовсе голоса и уже самымъ молчаніемъ заставлялъ подозрѣвать сочувствіе свое непокорнымъ боярамъ. Только уже на другой день, послѣ настойчивыхъ убѣжденій царя и вѣрныхъ ему вельможъ. противная сторона уступила. Іоаннъ выздоровѣлъ и, конечно, сталъ смотрѣть уже другими глазами на Сильвестра и Адашева, хотя еще нѣсколько лѣтъ оказывалъ имъ прежнее довѣріе въ дѣлахъ. Царица Анастасія также считала себя оскорбленною. и охлажденіе царя къ своимъ любимцамъ все болѣе и болѣе увеличивалось вмѣстѣ съ увеличеніемъ вражды между ними и царицею.

Іоаннъ далъ обѣтъ —по выздоровленіи отправиться на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и въ началѣ весны отправился въ путь съ женою и маленькимъ Димитріемъ. Сначала царь заѣхалъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь. гдѣ имѣлъ бесѣду съ знаменитымъ Максимомъ Грекомъ, вызваннымъ еще при Василіи Іоанновичѣ съ Афонской горы для перевода богослужебныхъ книгъ съ греческаго на славянскій языкъ и навлекшимъ на себя ненависть сильныхъ людей своими обличеніями. Максимъ Грекъ уговаривалъ царя не предпринимать такого труднаго и дальняго путешествія, а лучше заняться облегченіемъ участи вдовъ и сиротъ, которыя остались послѣ воиновъ, павшихъ подъ стѣнами Казани. Но Іоаннъ поѣхалъ водою въ Кирилловъ монастырь, „слушая болѣе рѣчи монаховъ, ожидавшихъ отъ него богатыхъ даровъ для монастыря.“ Путешествіе это было несчастливо: маленькій Димитрій скончался.

На пути царь заѣхалъ въ Пѣсношскій монастырь, гдѣ жилъ въ заточеніи Вассіанъ Топорковъ, бывшій коломенскій епископъ и любимецъ Василія Іоанновича. Бесѣдуя съ Вассіаномъ, Іоаннъ спросилъ его: „какъ долженъ я царствовать, чтобы в ·льможъ своихъ держать въ послушаніи?“ –Если хочешь быть самодержцемъ - отвѣчалъ ему Вассіанъ, —то не держи совѣтниковъ умнѣе себя (намекъ на Сильвестра и Адашева).—„И самъ отецъ мой, если бы живъ былъ, не далъ бы мнѣ болѣе полезнаго совѣта!“ сказалъ царь, цѣлуя руку Вассіана.

Въ 1560 году Сильвестръ и Адашевъ были удалены отъ двора: Адашевъ отправленъ былъ воеводою въ одинъ изъ ливонскихъ городовъ, а Сильвестръ удалился въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Вскорѣ затѣмъ умерла и царица Анастасія. Царь былъ въ большомъ горѣ. Этимъ печальнымъ случаемъ воспользовались недруги Сильвестра и Адашева: они стали распускать молву, что царицу извели злыми чарами бывшіе любимцы царскіе. Узнавъ объ этой злой клеветѣ изгнанники умоляли царя нарядить судъ и дать имъ очную ставку съ клеветниками. Но Сильвестръ и Адашевъ не были допущены до царя: они были осуждены заочно. Сильвестръ сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь; Адашевъ подвергнутъ былъ темничному заключенію въ Дерптѣ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ отъ горячки.

Послѣ удаленія Сильвестра и Адашева и смерти Анастасіи, Іоаннъ остался одинокъ: подлѣ него не было уже людей, которыхъ онъ любилъ и уважалъ, которые бы поддерживали его нравственно. Не стѣсняемый болѣе присутствіемъ строгихъ совѣтниковъ и любимой супруги, онъ началъ находить развлеченіе въ шумныхъ пирахъ, порочныхъ забавахъ и давать полную волю своему крутому характеру. Новые совѣтники и любимцы царскіе не походили на прежнихъ: это были люди своекорыстные, думавшіе только о себѣ. Приверженцы Сильвестра и Адашева, не могшіе равнодушно смотрѣть на паденіе своей партіи, хлопотали о

возвращеніи прежняго значенія своимъ вождямъ, чѣмъ навлекли на себя гнѣвъ и немилость царя: нѣкоторые изъ нихъ были казнены, другіе сосланы, съ иныхъ взяты крестоцѣловальныя записи въ томъ, что они не измѣнятъ и не отъѣдутъ въ другое государство. Случаи измѣны и ухода бояръ въ Литву уже сказывались: нѣкоторымъ изъ нихъ удалось бѣгство отъ гнѣва царскаго въ сосѣднюю Литву.

Глава XVI.

Измѣна Курбскаго и переписка его съ царемъ.

Ни одна измѣна не поразила Іоанна такъ сильно, какъ измѣна князя Курбскаго, одного изъ лучшихъ московскихъ бояръ. Князь Андрей Михайловичъ Курбскій особенно прославился при взятіи Казани. Царь высоко цѣнилъ его воинскую доблесть. Когда во время ливонской войны дѣла русскихъ приняли было худой оборотъ, Іоаннъ призвалъ Курбскаго и сказалъ ему: „принужденъ я или самъ идти супротивъ лифлянтовъ или тебя, любимаго моего, послать, да охрабрится снова мое войско. Иди и, съ Божіей помощью, послужи мнѣ вѣрно.“ Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Курбскій одержалъ восемь побѣдъ надъ ливонцами. Но въ одной битвѣ (подъ Невлемъ въ 1563 году) онъ по-

терпѣлъ неудачу. Эта неудача разсердила царя, и онъ обмолвился гнѣвнымъ словомъ. Друзья Курбскаго извѣстили его объ этомъ. Мысль о позорной казни, ожидавшей его, быть можетъ, послѣ столькихъ заслугъ возмущала Курбскаго, и онъ рѣшился бѣжать въ Литву. Король Сигизмундъ-Августъ принялъ его съ честью и далъ ему помѣстья.

Курбскій принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ, начитаннѣйшихъ людей своего времени. Онъ не хотѣлъ отъѣхать молча, молча разстаться съ Іоанномъ и написалъ къ нему укорительное письмо. Вѣрный слуга Курбскаго, Василій Шибановъ, повезъ письмо своего господина въ Москву. Подавая письмо самому царю на Красномъ крыльцѣ, онъ сказалъ: „отъ господина моего, твоего изгнанника, князя Курбскаго!“ Царь ударилъ его въ ногу своимъ желѣзнымъ костылемъ и, опершись на костыль, слушалъ чтеніе письма. Шибановъ остался неподвижнымъ; а потомъ во время жестокой пытки смѣло говорилъ въ оправданіе своего господина.

Іоаннъ не выдержалъ и отвѣчалъ на письмо Курбскаго, и между ними завязалась знаменитая переписка, въ которой царь изложилъ свои понятія о неограниченной царской власти, а Курбскій старался защитить старинныя боярскія права, настаивалъ, что государь, по старинѣ, долженъ обо всемъ совѣтоваться съ боярами, которые имѣютъ при томъ право отъѣзжать отъ него.

Въ лицѣ Курбскаго словно все русское боярство кидало царю дерзкій вызовъ: Курбскій упрекалъ Іоанна не за одного себя, но за многихъ,— онъ, доброхотъ Сильвестра, являлся представителемъ цѣлой партіи. хотя и павшей. но не хотѣвшей безпрекословно сносить гоненія отъ царя.

Курбскій отъѣхалъ къ враждебному государю и сдѣлался предводителемъ полковъ его въ войнѣ съ Москвою. Какъ поступилъ Курбскій, точно такъ же могутъ поступить и другіе. И если еще можно удержать отъ отъѣзда вельможъ, находящихся въ Москвѣ и вообще во внутреннихъ областяхъ государства, то какъ удержать ихъ на границахъ? кого послѣ этого послать съ войскомъ? Да и внутри государства, если вельможи такъ ожесточены и если ихъ такъ много. то гдѣ же безопасность? И вотъ въ Іоаннѣ еще сильнѣе развилась подозрительность: воображенію его повсюду представлялись тайныя козни измѣнниковъ и предателей. Господствующею, мучительною мыслью въ его головѣ сдѣлалась мысль о томъ, что онъ находится въ опасности. что необходимо принять мѣры для спасенія себя и своего семейства, а въ случаѣ неудачи этихъ мѣръ необходимо приготовить для себя убѣжище гдѣ-нибудь на чужбинѣ. о чемъ онъ дѣйствительно и велъ впослѣдствіи переговоры съ англійскою королевою Елизаветою.

Вотъ какъ дорого стоили Іоанну отъѣздъ князя Курбскаго и переписка съ нимъ!

Глава XVII.

Александровская слобода и опричники.

3-го декабря 1564 года, рано утромъ, Москва была поражена и встревожена необычайнымъ зрѣлищемъ. На Кремлевской площади появилось множество саней: изъ дворца выносили и укладывали на нихъ царское имущество. Между тѣмъ въ Успенскомъ соборѣ митрополитъ служилъ обѣдню. Отслушавъ обѣдню, царь принялъ благословеніе отъ митрополита, милостиво простился съ бывшими въ церкви, затѣмъ сѣлъ въ сани съ царицей (второй супругой, Маріей Темрюковною), съ дѣтьми и нѣсколькими новыми любимцами и уѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское, посѣтилъ нѣкоторые монастыри и наконецъ остановился въ Александровской слободѣ (теперь уѣздный городъ Александровъ, Владимірской губерніи). Митрополитъ, бояре и народъ были въ большой тревогѣ и недоумѣніи отъ такого неожиданнаго и таинственнаго отъѣзда царя.

Ровно чрезъ мѣсяцъ, 3-го января 1564 года, всеобщее недоумѣніе разрѣшилось: царь прислалъ въ Москву двѣ грамоты — одну митрополиту, а другую — купцамъ и всему московскому народу. Въ первой граматѣ Іоаннъ жаловался на бояръ и на духовенство, которое заступается за бояръ и не даетъ царю наказывать ихъ за дурныя дѣла,

вслѣдствіе чего государь оставилъ свое государство и поѣхалъ гдѣ нибудь поселиться; во второй граматѣ, громогласно прочтенной народу. царь успокоивалъ московскихъ людей, купцовъ и простолюдиновъ, чтобы они ничего не опасались, что гнѣва и опалы на нихъ никакой нѣтъ

Всѣ въ Москвѣ пришли въ ужасъ и смятеніе. „Государь насъ покинулъ. мы погибнемъ!“ кричалъ народъ. „Кто спасетъ насъ отъ нашествія враговъ? Мы останемся, какъ овцы безъ пастыря!“ Стали упрашивать митрополита, чтобы онъ умилостивилъ царя и упросилъ его не покидать государства, а за измѣнниковъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ; пусть государь правитъ. какъ ему угодно.

Посольство изъ бояръ и духовенства отправилось въ Александровскую слободу бить челомъ государю отъ всей Москвы, чтобы онъ вернулся на царство. Іоаннъ принялъ милостиво посольство и, ради мольбы архіепископовъ и епископовъ, согласился взять опять свое государство, но на особыхъ условіяхъ, о которыхъ обѣщалъ ихъ извѣстить.

Прошелъ еще мѣсяцъ. 2-го февраля царь торжественно въѣхалъ въ Москву На другой день созваны были духовенство, бояре и знатнѣйшіе сановники, въ присутствіи которыхъ Іоаннъ объявилъ, что соглашается принять снова управленіе государствомъ, но только съ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ расправляться съ своими измѣнниками

по своей волѣ и учредить *опричнину*, то-есть, новый *особый* дворъ изъ людей вполнѣ ему преданныхъ и большею частью незнатныхъ, на содержаніе которыхъ должны быть назначены особые города и волости; въ самой Москвѣ взяты были въ опричнину нѣкоторыя улицы и волости и въ нихъ велѣно было жить только тѣмъ боярамъ, дворянамъ и приказнымъ людямъ, которые назначены были въ опричнину, а прежніе обыватели переведены на другія улицы. Все остальное государство получило названіе *земщины*, управленіе которою поручено старымъ, *земскимъ*, боярамъ; только въ случаѣ военныхъ вѣстей и дѣлъ чрезвычайной важности эти бояре приходили съ докладомъ къ государю (впослѣдствіи царь поставилъ надъ ними главою крещенаго касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича съ титуломъ *великаго князя всея Руси*).

Новые тѣлохранители сдѣлались грознымъ и слѣпымъ орудіемъ царской воли. *Опричники*, которыхъ народъ называлъ также *кромѣшниками* (отъ словъ: *опричь* и *кромѣ*), безнаказанно буйствовали и обижали мирныхъ гражданъ, которымъ негдѣ было искать противъ нихъ защиты и управы; почему эти недостойные временщики скоро навлекли на себя народную ненависть и считались наравнѣ съ разбойниками. По приказу царя, опричники привязывали къ своимъ сѣдламъ изображеніе собачьей головы и метлу: это было признакомъ того, что они должны, какъ псы, грызть царскихъ лиходѣ-

евъ и выметать крамолу изъ Русской земли. Самыми приближенными къ Іоанну и самыми свирѣпыми изъ опричниковъ были: Малюта Скуратовъ, Басмановы, отецъ съ сыномъ, и князь Афанасій Вяземскій.

Царь не остался въ Москвѣ, а водворился въ Александровской слободѣ, гдѣ былъ построенъ большой дворецъ, обведенный рвомъ и валомъ, такъ что онъ представлялъ настоящую крѣпость. Никто безъ вѣдома царя не смѣлъ ни въѣхать въ слободу, ни выѣхать изъ нея. Въ трехъ верстахъ отъ нея стояла воинская стража. Кругомъ слободы на большомъ пространствѣ тянулись дремучіе лѣса. Въ этомъ мрачномъ жилищѣ царю пришла въ голову странная и дикая затѣя—обратить свой дворецъ въ монастырь. Выбравъ изъ опричниковъ 300 человѣкъ самыхъ лихихъ, онъ назвалъ ихъ иноками, себя игуменомъ, князя Вяземскаго келаремъ, Малюту Скуратова пономаремъ. Поверхъ своихъ блестящихъ кафтановъ они надѣвали черныя монашескія рясы. на головы скуфейки, или тафьи. Рано утромъ (въ четвертомъ часу) царь отправлялся съ царевичами и Малютою на колокольню благовѣстить. Опричники-иноки, подъ страхомъ наказанія (епитеміи), спѣшили всѣ къ заутренѣ. Служба длилась до 6 или 7 часовъ. Царь въ церкви самъ пѣлъ, читалъ и такъ усердно отбивалъ земные поклоны, что на лбу его были часто синяки. Въ 8 часовъ начиналась обѣдня; въ 10 часовъ садились за обильную братскую трапезу,

во время которой царь, стоя, читалъ вслухъ какое-нибудь поученіе или житіе святаго, а самъ обѣдалъ позже. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ или отправлялся въ темницу смотрѣть на пытки, что доставляло ему большое удовольствіе. Въ 8 часовъ шли къ вечернѣ, затѣмъ въ 10 мъ часу царь удалялся въ свою опочивальню: здѣсь три слѣпца-сказочника по очереди разсказывали ему сказки, пока онъ не засыпалъ.

А пытки и казни производились въ это время чуть не ежедневно, и кровь лилась рѣкою.... Случалось, что въ церкви царю дѣлались доклады, и онъ тутъ же во время богослуженія отдавалъ приказы, иногда насчетъ пытокъ и казней.

Всѣ въ трепетѣ и ужасѣ притихли предъ страшной царской грозой, всѣ молчали; некому было вступиться за несчастныя жертвы безумной жестокости царя и его палачей....

Но вотъ неожиданно раздался безстрашный голосъ, осуждавшій непомѣрную жестокость царя и старавшійся напомнить ему объ его высшемъ долгѣ —долгѣ христіанскаго царя.

Глава XVIII.

Митрополитъ Филиппъ.

Въ 1566 году митрополитъ Афанасій, бывшій свидѣтелемъ учрежденія опричины, оставилъ митрополію по болѣзни. Въ преемники ему назна-

ченъ былъ Германъ, архіепископъ казанскій; но бесѣды его не понравились любимцамъ Іоанновымъ, и Германа отстранили, а на его мѣсто вызвали соловецкаго игумена Филиппа.

Филиппъ происходилъ изъ знатнаго боярскаго рода Колычевыхъ и родился 11 февраля 1507 г., получивъ въ крещеніи имя Ѳеодора. Отецъ его, Стефанъ, принадлежалъ къ числу близкихъ бояръ великаго князя Василія Іоанновича и славился „ратнымъ духомъ". Кромѣ того и онъ самъ, и жена его были извѣстны своимъ благочестіемъ и любовью къ нищей братіи. Когда Ѳеодоръ подросъ, то взятъ былъ ко двору. Здѣсь узналъ его малолѣтній князь Іоаннъ (будущій грозный царь), но не надолго. Въ правленіе великой княгини Елены четверо Колычевыхъ оказались замѣшанными въ дѣло несчастнаго князя старицкаго Андрея Ивановича: одинъ изъ нихъ былъ брошенъ въ тюрьму, остальныхъ били кнутомъ, подвергли пыткѣ и повѣсили на Новгородской дорогѣ. Ѳеодоръ не могъ мириться съ мыслью, что живетъ среди людей, обагненныхъ кровью его близкихъ. Душа его тосковала, и онъ искалъ утѣшенія въ молитвѣ. Однажды онъ стоялъ за обѣдней въ какомъ-то особенномъ настроеніи духа, и на него произвели сильное впечатлѣніе слова Спасителя въ евангеліи, которое читалось въ тотъ день: „Никто же можетъ двѣма господинома работати: либо единаго возлюбитъ, а другаго возненавидитъ.... Не можете Богу работати и мамонѣ." Ему показалось,

что не къ кому иному, а именно къ нему обращены были эти слова, и Ѳеодоръ отрекся отъ мамона и рѣшился работать одному Богу.

Въ 1537 году, имѣя 30 лѣтъ отъ роду, Ѳеодоръ тайно оставилъ дворъ и Москву и удалился въ Соловецкую обитель, о которой много наслышался еще въ лѣта отрочества. Принявъ здѣсь постриженіе вмѣстѣ съ именемъ Филиппа, онъ въ продолженіи 10 лѣтъ проходилъ разныя, иногда весьма тяжелыя послушанія. Возведенный въ санъ игумена (въ 1548 году), Филиппъ въ продолженіи 18-ти лѣтняго управленія Соловецкою обителью совершенно обновилъ ее: соорудилъ въ ней двѣ каменныя церкви (Успенія Пресвятыя Богородицы и Преображенія Господня), завелъ колокола вмѣсто билъ и клепалъ, воздвигъ для братіи 2-хъ и 3-хъ этажныя келліи и больницу; а внѣ монастыря умножилъ и улучшилъ соляныя варницы, устроилъ водяныя мельницы, завелъ скотный дворъ и оленей, соединилъ озера каналами и осушилъ болота, сдѣлалъ просѣки въ лѣсахъ и проложилъ дороги. Въ санѣ игумена Филиппъ снова сдѣлался извѣстнымъ Іоанну, посѣтивъ Москву въ 1550—1551 году, и заслужилъ его расположеніе. Царь пожаловалъ соловецкому игумену граматы на разныя волости, села и другія владѣнія, подарилъ ему богатыя ризы, шитыя жемчугомъ, и два покрова на раки угодниковъ соловецкихъ Зосимы и Савватія, а впослѣдствіи прислалъ 1000 рублей на построеніе Преображенскаго храма, два колокола.

два золотыхъ креста съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ и новыя жалованныя граматы для подтвержденія разныхъ льготъ обители. Оказавъ Филиппу столько знаковъ своего царскаго благоволенія, Іоаннъ разсчитывалъ, можетъ быть, что Филиппъ охотно согласится быть въ полной его волѣ и, занимая каѳедру митрополита, будетъ постоянно держать его сторону и ни въ чемъ не станетъ ему противорѣчить. Но такой разсчетъ, если только онъ существовалъ, скоро оказался невѣрнымъ.

Когда Филиппъ, по вызыву царскому, прибылъ изъ своей отдаленной обители въ Москву, Іоаннъ принялъ его съ великою честью, удостоилъ своей царской трапезы и щедро одарилъ. Когда же онъ, въ присутствіи всего освященнаго собора и бояръ, предложилъ ему первосвятительскую каѳедру, то Филиппъ сначала смиренно отказывался, ссылаясь на слабость своихъ силъ и уподобляя себя малой ладьѣ, неспособной носить великую тяжесть; а потомъ, будучи „понуждаемъ“ царемъ и соборомъ на митрополію, смѣло сказалъ, чтобы царь отмѣнилъ опричнину, въ противномъ случаѣ ему, Филиппу, митрополитомъ быть невозможно; если же его и поставятъ въ митрополита, то онъ затѣмъ оставитъ митрополію. Царь прогнѣвался; но, по челобитью архіепископовъ и епископовъ, отложилъ свой гнѣвъ и велѣлъ сказать Филиппу, чтобы онъ въ опричнину и въ царскій домовый обиходъ не вступался и на митрополію ставился, а послѣ поставленія не оставлялъ ее изъ-за того, что царь

не отмѣнилъ опричнины, а совѣтовалъ бы съ царемъ, какъ прежніе митрополиты совѣтовали съ отцомъ его и дѣдомъ. Филиппъ согласился стать на митрополію. Самъ Іоаннъ присутствовалъ въ Успенскомъ соборѣ при торжествѣ поставленія Филиппа на митрополію.

Прошло около года, и ничто не возмущало мира между царемъ и митрополитомъ. Царь оказывалъ Филиппу благоволеніе и любовь. Православные радовались этому и благодарили Бога. Но въ душѣ царь уже не любилъ Филиппа, подозрѣвая въ немъ орудіе бояръ и полагая, что онъ, по ихъ настроенію, осмѣлился требовать уничтоженія опричнины предъ своимъ поставленіемъ на митрополію. Въ іюлѣ 1567 года перехвачены были письма польскаго короля Сигизмунда Августа и литовскаго гетмана Хоткевича къ главнѣйшимъ московскимъ боярамъ, которые будто бы еще прежде тайно дали согласіе измѣнить своему государю и переселиться въ Литву. Начались страшныя казни. Опричники неистовствовали въ Москвѣ, убивали всенародно на улицахъ и площадяхъ человѣкъ по 10 и по 20 въ день. Всѣхъ объялъ ужасъ. Многіе со слезами прибѣгали къ митрополиту и умоляли его заступиться за нихъ предъ государемъ. И добрый пастырь не могъ оставаться безотвѣтнымъ на вопли и стоны своихъ духовныхъ чадъ. Онъ помнилъ, что отказался отъ мысли просить уничтоженія опричнины, но что сохранилъ за собою право *совѣтовать* государю и слѣдовательно ходатайство

вать, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы онъ обуздывалъ своихъ опричниковъ, наблюдалъ правду и милость по отношенію къ своимъ подданнымъ и, карая злодѣевъ, не дозволялъ проливать неповинную кровь. Одушевленный такими мыслями, святитель отправился къ Іоанну, чтобы сначала наединѣ пастырски побесѣдовать съ нимъ. Въ чемъ состояла эта тайная бесѣда, какъ обличалъ или убѣждалъ царя митрополитъ, неизвѣстно; но послѣдствія показали, что убѣжденія не принесли никакой пользы, а только, быть можетъ, еще болѣе утвердили Іоанна въ увѣренности, что митрополитъ держитъ сторону ненавистныхъ бояръ и служитъ ихъ орудіемъ.

Время шло; неистовства опричниковъ не прекращались; царь ни мало не исправлялся. И святитель, испытавъ недостаточность тайныхъ вразумленій царю, рѣшился начать открытыя, всенародныя обличенія ему.

22-го марта 1568 года царь пришелъ въ соборную церковь. Здѣсь св. Филиппъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью:

„О, державный царь! Ты облеченъ самымъ высокимъ саномъ отъ Бога и долженъ чтить Его болѣе всего. Тебѣ данъ скипетръ власти земной, дабы ты соблюдалъ правду въ людяхъ и царствовалъ надъ ними по закону: правда—самое драгоцѣнное сокровище для того, кто стяжалъ ее. По естеству ты подобенъ всякому человѣку, а по власти подобенъ Богу: какъ смертный—не пре-

возносись, а какъ образъ Божій — не увлекайся гнѣвомъ. По справедливости властелиномъ можетъ назваться только тотъ, кто самъ собою обладаетъ и не работаетъ позорнымъ страстямъ. Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу, и при твоихъ предкахъ не бывало того, что ты творишь; у самыхъ язычниковъ не случалось ничего такого...“

Іоаннъ (въ ярости). Что тебѣ, чернецу, за дѣло до нашихъ царскихъ совѣтовъ? Того ли не знаешь, что меня мои же хотятъ поглотить?

Филиппъ. Я точно — чернецъ; но, по благодати св. Духа, по избранію священнаго собора и твоему изволенію, я — пастырь Христовой церкви и вмѣстѣ съ тобою обязанъ имѣть попеченіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства.

Іоаннъ. Одно тебѣ говорю, отче святый, молчи, а насъ благослови дѣйствовать по нашему изволенію.

Филиппъ. Благочестивый царь! Наше молчаніе умножаетъ грѣхъ души твоей и можетъ причинить смерть.

Іоаннъ. Владыко святый! Возстали на меня друзи мои и искренніи мои ищутъ мнѣ зла.

Филиппъ. Государь! тебѣ говорятъ неправду и лукавство. Приближь къ себѣ людей, желающихъ совѣтовать тебѣ доброе, а не льстить, и прогони говорящихъ тебѣ неправду.

Іоаннъ. Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи свой санъ.

Филиппъ. Не употреблялъ я ни просьбъ, ни ходатаевъ, ни мзды, чтобы получить этотъ санъ. Зачѣмъ лишилъ ты меня пустыни? Если для тебя ничего не значатъ церковные каноны, дѣлай, какъ хочешь.

Царь пошелъ въ свои палаты въ большомъ раздумьѣ и въ гнѣвѣ на митрополита.

Было воскресенье. Народъ тѣснился въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служилъ митрополитъ. Вдругъ толпа заколыхалась, ряды ея сдвинулись и очистили широкое пространство между входомъ и святительскимъ мѣстомъ, гдѣ Филиппъ стоялъ уже въ полномъ облаченіи. Въ дверяхъ показался царь, а за нимъ толпа вооруженныхъ опричниковъ въ высокихъ шлыкахъ и черныхъ рясахъ, надѣтыхъ на цвѣтные кафтаны. Между тѣмъ какъ народъ глядѣлъ съ удивленіемъ на соблазнительный нарядъ кромѣшниковъ, царь подошелъ къ Филиппу, чтобы принять его благословеніе. Но митрополитъ, не взглянувъ на него, остановилъ неподвижный взоръ на иконѣ Спасителя. Три раза Іоаннъ напрасно преклонялъ голову и протягивалъ руку. Въ соборѣ воцарилось безмолвіе: всѣ ожидали, притаивъ дыханіе, неминуемой грозы. Наконецъ одинъ изъ опричниковъ обратился къ Филиппу: „святый владыко! къ тебѣ пришелъ благочестивый государь и требуетъ твоего благословенія".

Взглянувъ на Іоанна, митрополитъ произнесъ: „царь благой! кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и измѣнивъ свое благолѣпіе?

Убойся суда Божія: на другихъ законъ ты налагаешь, а самъ нарушаешь его. У татаръ и у язычниковъ есть правда: въ одной Россіи нѣтъ ея. Во всемъ мірѣ можно встрѣтить милосердіе, а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ. Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь христіанская. Ты самъ просишь прощенія во грѣхахъ своихъ предъ Богомъ. прощай же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою.“

Іоаннъ. О, Филиппъ! нашу ли волю думаешь измѣнить? Лучше было бы тебѣ быть единомышленнымъ съ нами.

Филиппъ. Тогда суетна была бы вѣра наша, напрасны и заповѣди Божіи о добродѣтеляхъ. Не о тѣхъ скорблю, которые невинно предаются смерти, какъ мученики: я скорблю о тебѣ, пекусь о твоемъ спасеніи.

Іоаннъ. Ты противишься, Филиппъ, нашей державѣ. Посмотримъ на твою твердость.

Филиппъ. Я пришлецъ на землѣ, какъ и отцы мои, и за истину благочестія готовъ потерпѣть и лишеніе сана, и всякія муки.

Тутъ же въ соборѣ враги Филиппа, желая унизить его всенародно, подготовили на св. старца самую гнусную клевету, которую подъучили произнести предъ всѣми одного благообразнаго отрока, бывшаго чтецомъ домовой митрополичьей церкви. Выслушавъ отрока, новгородскій архіепископъ Пи-

менъ и другіе епископы. угодники царскіе. сказали: „царя укоряетъ, а самъ творитъ такія неистовства.“ Митрополитъ отвѣчалъ Пимену: „ты домогаешься восхитить чужой престолъ, но скоро лишишься и своего.“ А отрока, который вслѣдъ затѣмъ сознался, что говорилъ все не по своей волѣ, но по принужденію и изъ страха, св. Филиппъ простилъ и благословилъ. Когда эта клевета не удалась, царь приказалъ схватить всѣхъ главныхъ бояръ и сановниковъ митрополичьихъ: ихъ заключили подъ стражу и пытали, стараясь вывѣдать что нибудь недоброе о святителѣ. но ничего не допытались.

28-го іюля, по случаю праздника въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, митрополитъ тамъ священнодѣйствовалъ. Туда же прибылъ на праздникъ, по утвердившемуся обычаю, и царь со всѣми боярами и опричниками. Въ то время, когда Филиппъ, совершая крестный ходъ вокругъ обители, достигъ святыхъ воротъ и хотѣлъ читать евангеліе, онъ увидѣлъ, обратившись къ народу, что одинъ опричникъ стоитъ въ тафьѣ, и сказалъ государю: „чтеніе слова Божія слѣдуетъ слушать христіанамъ съ непокровенною главою; а эти откуда взяли агарянскій обычай предстоять здѣсь съ покрытыми главами?“—„Кто такой?“ спросилъ Іоаннъ и, взглянувъ вокругъ, не увидѣлъ никого въ тафьѣ, потому что виновный успѣлъ уже снять ее. Царю сказали, что митрополитъ говоритъ неправду, издѣваясь надъ его царскою державою. Іоаннъ вышелъ изъ

себя, всенародно поносилъ святителя и называлъ его лжецомъ, мятежникомъ и злодѣемъ.

Послѣ этого царь принялъ твердое намѣреніе низложить Филиппа. Но, чтобы не возмутить народа, который очень уважалъ и чтилъ своего архипастыря, необходимо было прежде обвинить его въ какихъ либо преступленіяхъ. А такъ какъ вся жизнь Филиппа въ Москвѣ сіяла однѣми только добродѣтелями, то царь не счелъ недостойнымъ отправить особую депутацію въ Соловки для разслѣдованія его тамошней жизни. Во главѣ депутаціи находились царскіе клевреты: суздальскій епископъ Нафанаилъ, андрониковскій архимандритъ Ѳеодосій и князь Василій Темкинъ. Они употребили все—и ласки, и угрозы, и дары, и обѣщанія почестей, чтобы найти между иноками лжесвидѣтелей на митрополита, и дѣйствительно нѣкоторыхъ увлекли и въ числѣ ихъ самого игумена Паисія, которому обѣщали епископскій санъ. А добрыхъ старцевъ, говорившихъ о Филиппѣ только истину и прославлявшихъ его непорочную жизнь въ монастырѣ, били и не хотѣли слушать. Записавъ клеветы и взявъ съ собою клеветниковъ, царскіе послы возвратились въ Москву. Немедленно открытъ былъ соборъ, въ присутствіи самого государя и бояръ, для суда надъ митрополитомъ. Призвали обвиняемаго; выслушали обвиненія противъ него; Паисій и его сообщники старались подтверждать свои клеветы. Первосвятитель не думалъ оправдываться, а сказалъ только Паисію:

„чадо! что сѣешь, то и пожнешь.“ Затѣмъ, обратившись къ царю и всему собору, объявилъ, что вовсе не боится смерти, что лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія несчастнаго времени, и тутъ же началъ слагать съ себя всѣ знаки своего сана. Но царь велѣлъ ему остановиться и ждать судебнаго приговора.

8-го ноября, въ день архистратига Михаила, когда св. Филиппъ священнодѣйствовалъ въ своей каѳедральной церкви, вдругъ явился туда любимецъ царскій, боярин Басмановъ, сопровождаемый опричниками. Онъ приказалъ прочитать вслухъ всего народа соборный приговоръ о низложеніи митрополита. И тотчасъ бросились на него опричники, совлекли съ него святительское облаченіе, одѣли его въ простую и разодранную монашескую одежду, съ позоромъ выгнали изъ церкви и, посадивъ на дровни, отвезли въ Богоявленскій монастырь. Не довольствуясь этимъ, Іоаннъ хотѣлъ еще осудить св. старца на сожженіе, такъ какъ его обвиняли, между прочимъ, въ волшебствѣ. Но, по ходатайству духовныхъ властей, царь согласился оставить ему жизнь. Цѣлую недѣлю просидѣлъ страдалецъ въ смрадной темницѣ, отягченный тяжелыми оковами и томимый голодомъ. Потомъ онъ былъ перевезенъ въ монастырь св. чудотворца Николая, такъ называемый старый, и заперт въ подвалъ.

Но месть Іоанна еще не была удовлетворена:

онъ придумалъ подвергнуть св. узника новому истязанію и казнилъ нѣсколькихъ его родственниковъ, между прочимъ, любимаго племянника его Венедикта. Голову несчастнаго, по приказанію царя, принесли Филиппу и сказали ему: „вотъ голова любимаго твоего сродника: не помогли ему твои чары.“ Филиппъ поднялся съ своего мѣста, съ любовью облобызалъ и благословилъ голову юноши, потомъ положилъ ее предъ собой и, сотворивъ земной поклонъ, промолвилъ: „Блажени, яже избралъ и пріялъ еси, Господи: память ихъ въ родъ и родъ.“ Наконецъ, по волѣ царя, низложенный митрополитъ былъ удаленъ изъ Москвы и сосланъ на заточеніе въ Тверской Отрочь монастырь.

Спустя около года, Іоаннъ, отправляясь въ Новгородъ для лютыхъ казней, когда приближался къ Твери, вспомнилъ о Филиппѣ: онъ не могъ помириться съ мыслью, что Филиппъ еще живъ, и отправилъ своего свирѣпаго любимца, Малюту Скуратова, въ Отрочь монастырь. Явившись къ настоятелю, Малюта сказалъ ему, что присланъ отъ царя, который желаетъ, чтобы Филиппъ благословилъ его походъ. Затѣмъ онъ потребовалъ, чтобы ему указали келью узника, и вошелъ въ нее одинъ. Бесѣдуя съ нимъ наединѣ, онъ задушилъ его подушкою. Чрезъ нѣсколько минутъ злодѣй возвратился къ братіи, сдѣлалъ строгій выговоръ настоятелю за мнимое небреженіе къ узнику и тутъ же объявилъ, что Филиппъ умеръ, что онъ, безъ сомнѣнія, задохся „отъ неуставнаго зноя келейнаго.“

Всѣ были поражены ужасомъ и слушали молча. Не давъ никому времени опомниться. палачъ приказалъ инокамъ взять заступы и слѣдовать за нимъ. У алтарной стѣны соборной Троицкой церкви была вырыта, по его приказанію, глубокая яма. Въ нее опустили не охладѣвшее еще тѣло мученика. Малюта не отходилъ, пока могила не была засыпана. Въ лѣтописи не сказано, чтобы надъ Филиппомъ былъ совершенъ обрядъ погребенія Это происходило 23-го декабря 1569 года.

Малюта принесъ царю пріятную вѣсть о смерти его грознаго и неустрашимаго обличителя.

Борьба царя Іоанна съ митрополитомъ Филиппомъ представляетъ для насъ глубокій интересъ. Мы знаемъ уже, что князь Курбскій *первый* осмѣлился бросить въ лицо Іоанну рѣзкое слово правды, слово обличенія. Но, во первыхъ, Курбскій обличалъ ненавистнаго и страшнаго для него царя издали, на почтительномъ, недосягаемомъ разстояніи; а. во вторыхъ, къ обличительнымъ рѣчамъ его примѣшивалось личное увлеченіе, страстное раздраженіе, иногда пристрастіе, подрывавшее силу обличенія. Митрополитъ же Филиппъ обличалъ грознаго царя въ глаза, лицомъ къ лицу, не помышляя о бѣгствѣ. Затѣмъ Филиппъ не увлекался никакими личными, низменными интересами: онъ былъ представителемъ правды Божіей противъ неправды человѣческой. Слово его было словомъ пророка, вѣщающаго одну святую, возвышенную истину, за которую онъ не отрекся по-

страдать даже до смерти. Филиппъ палъ въ борьбѣ съ царемъ, но не былъ побѣжденъ и остался побѣдителемъ въ глазахъ современниковъ и потомства....

„Русское общество, выставивъ св. Филиппа, провозгласивъ устами этого пастыря требованія своего основнаго начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, показавъ, что имѣло законъ и пророка, очистилось, оправдалось предъ исторіею, вслѣдствіе чего Іоаннъ, не послушавшійся увѣщаній Филипповыхъ, оправданъ быть не можетъ. Іоаннъ сознавалъ ясно высокость своего положенія, свои права, которыя берегъ такъ ревниво; но онъ не сознавалъ одного изъ самыхъ высокихъ правъ своихъ, права быть верховнымъ наставникомъ, воспитателемъ своего народа: какъ въ воспитаніи частномъ и общественномъ, такъ и въ воспитаніи всенародномъ могущественное вліяніе имѣетъ примѣръ наставника, человѣка вверху стоящаго, могущественное вліяніе имѣетъ духъ словъ и духъ дѣлъ его. Нравы народа были суровы, привыкли къ мѣрамъ жестокимъ и кровавымъ: надобно было отучать отъ этого. Но что сдѣлалъ Іоаннъ? Человѣкъ плоти и крови, онъ не созналъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда; или, что еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ: вмѣсто цѣленія, онъ усилилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ... Не произнесетъ историкъ слово оправданія такому человѣку“ (Соловьевъ).

Глава XIX.

Разгромъ Новгорода.

Вѣчный страхъ измѣны помрачалъ умъ Іоанна, дѣлалъ его озлобленнымъ. Страшась всего, самъ онъ хотѣлъ стращать всѣхъ. Не довольствуясь безпощаднымъ истребленіемъ боярскихъ родовъ, онъ хотѣлъ быть страшнымъ и простому народу, всей земщинѣ. Подозрительность его, разжигаемая доносами и клеветами опричниковъ, доходила до крайней степени.

Лѣтомъ 1569 года явился къ царю какой-то бродяга Петръ, родомъ Волынецъ, и донесъ, что новгородцы хотятъ предаться польскому королю, что у нихъ уже написана и грамата объ этомъ и положена въ Софійскомъ соборѣ за образомъ Богоматери. Іоаннъ отправилъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ доносчикомъ довѣреннаго человѣка, который дѣйствительно отыскалъ грамату въ указанномъ мѣстѣ и привезъ къ государю. Говорятъ, что этотъ Петръ, бродяга наказанный за что-то новгородцами, изъ желанія отомстить имъ самъ сочинилъ грамату и необыкновенно искусно подписался подъ руку архіепископа Пимена и лучшихъ гражданъ новгородскихъ.

Царь повѣрилъ доносу и рѣшился разгромить Новгородъ. Въ декабрѣ 1569 года онъ двинулся

изъ Александровской слободы. Разгромъ начался съ границъ тверскихъ владѣній: по всей дорогѣ отъ Клина до Новгорода производились опустошенія, какъ будто въ непріятельской странѣ. Особенно много пострадала Тверь. 2-го января 1570 года въ Новгородъ явился передовой отрядъ царской дружины, которому велѣно было устроить крѣпкія заставы вокругъ всего города, чтобы ни одинъ человѣкъ не могъ убѣжать. Во всѣхъ подгородныхъ монастыряхъ бояре и дѣти боярскіе изъ этого передоваго полка запечатали казну и захватили игуменовъ и монаховъ, числомъ болѣе 500; взяты были подъ стражу также священники и дьяконы новгородскихъ церквей; гостей, приказныхъ и торговыхъ людей перехватили, дома и имущества ихъ опечатали, женъ и дѣтей держали подъ стражею.

6-го января пріѣхалъ въ Новгородъ самъ царь со всѣмъ дворомъ и съ 1500 стрѣльцовъ *). На слѣдующій день вышло первое повелѣніе: игуменовъ и монаховъ, которые стояли на правежѣ, бить палками до смерти и трупы развозить по монастырямъ для погребенія. На третій день Іоаннъ отправился въ кремль къ обѣднѣ въ Софійскій соборъ. На Волховскомъ мосту встрѣтилъ его, по обычаю, архіепископъ Пименъ и хотѣлъ осѣнить крестомъ. Но царь ко кресту не пошелъ

*) *Стрѣльцы* составляли постоянное пѣшее войско, учрежденное впервые царемъ Іоанномъ Грознымъ.

и гнѣвно сказалъ архіепископу: „ты, злочестивый, держишь въ рукѣ не крестъ животворящій, а оружіе, и этимъ оружіемъ хочешь уязвить наше сердце: съ своими единомышленниками, здѣшними горожанами, хочешь нашу отчину, этотъ великій богоспасаемый Новгородъ, предать иноплеменникамъ — литовскому королю Сигизмунду Августу. Съ этихъ поръ ты—не пастырь и не учитель, но волкъ, хищникъ, губитель, измѣнникъ, нашей царской багряницѣ и вѣнцу досадитель.“ Сказавъ это, царь велѣлъ архіепископу идти въ Софійскій соборъ и служить обѣдню, у которой былъ самъ со всѣми своими приближенными. Послѣ обѣдни онъ пошелъ къ архіепископу въ столовую палату обѣдать, сѣлъ за столъ, началъ ѣсть и вдругъ завопилъ страшнымъ голосомъ. Это былъ условный знакъ (царскій ясакъ), по которому начали грабить казну архіепископскую и весь его дворъ; бояръ и слугъ владыки перехватали, а его самого, ограбивъ, отдали подъ стражу. Въ Софійскомъ соборѣ забраны были ризница и всѣ церковныя вещи; то же самое было сдѣлано по всѣмъ церквамъ и монастырямъ.

Затѣмъ Іоаннъ отправился на Торговую сторону, гдѣ начался судъ. Къ нему приводили новгородцевъ, содержавшихся подъ стражею, и пытали, жгли *поджаромъ* („составною мудростію огненною“). Обвиненныхъ привязывали къ санямъ, волокли къ Волховскому мосту и оттуда бросали въ рѣку; женъ и дѣтей ихъ бросали туда же съ высокаго

моста, связавъ ихъ руки и ноги, привязавъ младенцевъ къ матерямъ; а чтобы никто не могъ спастись, опричники ѣздили на маленькихъ лодкахъ по Волхову съ рогатинами, копьями, баграми, топорами и всѣхъ, всплывавшихъ наверхъ, прихватывали баграми, кололи рогатинами и копьями и погружали въ глубину. Такъ дѣлалось каждый день впродолженіе пяти недѣль. Казненныхъ и замученныхъ было болѣе 1500 человѣкъ. Послѣ того опричники рыскали по всему городу и его окрестностямъ, грабили лавки, дворы, разоряли дома, истребляли домашніе запасы, убивали скотъ. Верстъ на 200 кругомъ Новгорода опустошены были села и деревни. Весь этотъ разгромъ продолжался шесть недѣль.

Наконецъ 13-го февраля утромъ царь велѣлъ выбрать изъ каждой улицы по лучшему человѣку и поставить передъ собою. Они стояли передъ нимъ, трепеща отъ страха, блѣдные, какъ мертвецы. Но царь взглянулъ на нихъ милостивымъ и кроткимъ окомъ и сказалъ: „жители великаго Новгорода, оставшіеся въ живыхъ! молите Господа Бога, Пречистую Его Матерь и всѣхъ святыхъ о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ моихъ, благовѣрныхъ царевичахъ Иванѣ и Ѳеодорѣ, о всемъ нашемъ христолюбивомъ воинствѣ, чтобы Господь Богъ даровалъ намъ побѣду и одолѣніе на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. А судитъ Богъ общему измѣнику моему и вашему, владыкѣ Пимену, его злымъ совѣтникамъ

и единомышленникамъ: вся эта кровь взыщется на нихъ, измѣнникахъ. Вы объ этомъ теперь не скорбите, живите въ Новгородѣ благодарно. Я вамъ вмѣсто себя оставлю правителемъ боярина своего и воеводу, князя Петра Даниловича Пронскаго."

Въ тотъ же день Іоаннъ выѣхалъ изъ Новгорода по дорогѣ въ Псковъ. Архіепископа Пимена, многихъ священниковъ и дьяконовъ и опальныхъ новгородцевъ, которыхъ дѣло еще не было рѣшено, отослали въ Александровскую слободу. Пименъ былъ сосланъ въ заточеніе.

Узнавъ, что царь направляется къ Пскову, псковичи въ ужасѣ ждали себѣ участи новгородцевъ, исповѣдывались, причащались. Но псковскій воевода, князь Юрій Токмаковъ, распорядился устроить ему особенную, небывалую встрѣчу. Подъѣхавъ ко Пскову почью, Іоаннъ остановился переночевать въ одномъ подгородномъ монастырѣ. На зарѣ онъ услышалъ звонъ во всѣхъ псковскихъ церквахъ: то благовѣстили къ заутренѣ. Псковичи готовились въ послѣдній разъ предъ смертью помолиться Богу. Это тронуло царя и расположило къ жалости.

При вступленіи въ городъ Іоанну представилось неожиданное зрѣлище: жители стояли по улицамъ, каждый предъ своимъ домомъ, съ женами и дѣтьми, держа въ рукахъ хлѣбъ-соль. Завидѣвъ царя, всѣ падали на колѣна. Эта встрѣча умилила Іоан-

на, и онъ запретилъ опричникамъ убивать или мучить жителей, дозволивъ только пограбить ихъ

Іоаннъ недолго пробылъ въ Псковѣ,—разсказываютъ, что онъ посѣтилъ, между прочимъ, блаженнаго Николу Салоса (юродиваго), который сталъ подчивать царя сырымъ мясомъ (а было это Великимъ постомъ).

„Я христіанинъ, сказалъ царь, и не ѣмъ мяса въ постъ.“—Ты дѣлаешь хуже -замѣтилъ ему блаженный,—питаешься плотью и кровью христіанскою, забывая не только постъ, но и Бога.“

По возвращеніи царя въ Москву, началось слѣдствіе о сношеніяхъ новгородцевъ съ нѣкоторыми Московскими боярами и даже близкими къ царю людьми. Всѣхъ осужденныхъ по этому дѣлу было до 300 человѣкъ. Изъ нихъ 180 человѣкъ было прощено, а остальные казнены разными мучительными казнями. Всего удивительнѣе встрѣтить между осужденными имена главныхъ любимцевъ Іоанновыхъ—Басмановыхъ и Вяземскаго. Князь Вяземскій умеръ отъ пытокъ, а Алексѣй Басмановъ, какъ говорятъ, былъ убитъ своимъ сыномъ Ѳедоромъ, по приказанію Іоанна.

Глава XX.

Война съ Ливоніею и Польшею.

Въ то самое время какъ внутри Московскаго государства происходили описанныя нами печальныя явленія, на западной границѣ его шла важная война ливонская, къ которой присоединилась, какъ мы видѣли выше, война польская.

Союзъ, заключенный магистромъ Ливонскаго ордена, Кетлеромъ, съ Польшею, не принесъ ему никакой выгоды: русское войско продолжало опустошать Ливонію, брать города, разбивать малочисленные нѣмецкіе отряды, осмѣливавшіеся выходить къ нему на встрѣчу. Владѣнія Ливонскаго ордена распались: эзельскій епископъ продалъ свой островъ датскому королю Фридриху III, который отдалъ его брату своему Магнусу. Ревельцы поддались Швеціи. Наконецъ въ 1561 году Кетлеръ уступилъ Ливонію Польшѣ, а самъ взялъ себѣ Курляндію и Семигалію съ титуломъ герцога и съ вассальными (подручническими) обязанностями къ Польшѣ.

Война съ Литвою началась, по обычаю, опустошительными набѣгами съ той и съ другой стороны. Но въ началѣ 1563 года самъ Іоаннъ съ большимъ войскомъ и нарядомъ (артиллеріею) двинулся къ литовскимъ границамъ и осадилъ Полоцкъ, городъ

важный самъ по себѣ и особенно по отношенію къ Ливоніи, по торговой связи его черезъ Двину съ Ригою. 31-го января Полоцкъ былъ осажденъ, а 15-го февраля взятъ. Имѣнія воеводъ, пановъ и купцовъ отобраны въ царскую казну. Всѣ жиды, которыхъ ненавидѣлъ Іоаннъ, потоплены въ Двинѣ.

Послѣ взятія Полоцка царь возвратился въ Москву такъ же торжественно, какъ изъ подъ Казани. Въ Полоцкѣ оставлены были трое воеводъ, князья Петръ Ивановичъ Шуйскій, Василій и Петръ Семеновичи Серебряные Оболенскіе. Хотя литовцы и одержали затѣмъ большую побѣду надъ Московскимъ войскомъ недалеко отъ Орши, на рѣкѣ Улѣ, у села Иванцева, однако побѣда эта не могла вознаградить короля польскаго за лишеніе Полоцка. Измѣна Курбскаго также не принесла нашимъ врагамъ большой пользы. Поэтому польскій король вынужденъ былъ просить перемирія, уступая всѣ города и земли, занятые московскими войсками. Для рѣшенія этого важнаго вопроса—мириться ли съ королемъ польскимъ или нѣтъ?—Іоаннъ созвалъ большой соборъ въ 1566 году, состоявшій изъ духовенства, 19 архіереевъ, 14 архимандритовъ, 9 старцевъ, бояръ, дворянъ, помѣщиковъ съ западныхъ литовскихъ границъ, какъ людей, которымъ знакомы мѣстныя отношенія, дьяковъ, знатнѣйшихъ купцовъ московскихъ и смольнянъ, предложилъ имъ условія, на которыхъ хочетъ помириться съ королемъ, и спрашивалъ ихъ совѣта. Соборъ отвѣчалъ, что за ливонскіе горо-

да государю надобно стоять крѣпко. Это рѣшеніе собора подкрѣпило Іоанна, и война продолжалась. Только въ 1570 году заключено было перемиріе на три года, съ оставленіемъ всего. какъ было, съ тѣмъ, чтобы въ эти три года переговаривать о мирѣ.

Между тѣмъ Іоаннъ все болѣе и болѣе убѣждался въ трудности достиженія завѣтной цѣли— овладѣть приморскими городами Ливоніи. Чтобы облегчить для себя это дѣло, онъ, по совѣту приближенныхъ иностранцевъ, предложилъ датскому принцу Магнусу, владѣтелю острова Эзеля, Ливонію съ титуломъ короля ливонскаго, чтобы онъ находился въ такой же зависимости отъ Москвы, въ какой герцогъ курляндскій состоялъ къ польскому королю. Магнусъ согласился на это предложеніе, пріѣхалъ въ 1570 году въ Москву и объявленъ былъ женихомъ царской племянницы Евфиміи, дочери казненнаго Владиміра Андреевича Старицкаго.

Глава XXI.

Война съ Крымомъ и Турціею.

Занятый войною на западѣ, Іоаннъ старался всѣми силами ладить съ Крымомъ. Польскій король подбивалъ хана Девлетъ-Гирея къ нападенію на русскія границы, а московскій царь въ свою очередь всячески старался задобрить его, писалъ ему дружелюбныя письма, величалъ своимъ

бритомъ и посылалъ ему *поминки* (подарки). Но Крымъ не могъ оставить его въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что турецкій султанъ Селимъ намѣревался во что бы то ни стало отнять у Москвы Казань и Астрахань и приказалъ своему подручнику, крымскому хану, выступить въ походъ на Астрахань (въ 1569 году). Турецкій отрядъ (въ 17,000 человѣкъ), подъ начальствомъ паши Касима, и Крымская орда (50,000 человѣкъ) двинулись къ Волгѣ. Но походъ этотъ кончился полною неудачею. Турецкое войско не хотѣло оставаться на зимовку подъ Астраханью, терпѣло во всемъ недостатки и взволновалось. А когда до турокъ дошла вѣсть, что въ Астрахань пришла сильная русская рать, то Касимъ принужденъ былъ бѣжать назадъ степью.

Но избавившись отъ турокъ, Іоаннъ не избавился отъ крымскаго хана, который не переставалъ требовать Казани съ Астраханью. Въ Москву постоянно приходили вѣсти о непріязненныхъ намѣреніяхъ хана. Все лѣто 1570 года прошло въ тревогахъ въ ожиданіи татарскаго нашествія. Русское войско стояло на Окѣ. Наши развѣдчики видѣли въ степяхъ огромныя облака пыли, слѣды многочисленной конницы. Но татары появлялись всюду лишь мелкими шайками. Царь и его воеводы уже успокоились было, думая, что татары не имѣютъ намѣренія сдѣлать настоящее нападеніе.

Весною 1571 года тревога возобновилась. Воеводы съ 50,000 войска отправились къ Окѣ. Царь выступилъ съ опричниною въ Серпуховъ. На этотъ

разъ тревога была не мнимая: ханъ, собравъ 120,000 войска, пошелъ къ московскимъ границамъ. Нашлись русскіе измѣнники, которые сказали хану, что голодъ, моровая язва и лютыя казни такъ опустошили Русскую землю, что царь не въ состояніи вывести въ поле большой рати. Измѣнники ручались головой, что они проведутъ татаръ къ самой Москвѣ, такъ что на всемъ пути не будетъ встрѣчи съ русскимъ войскомъ. И дѣйствительно, по указанію этихъ измѣнниковъ, татары переправились чрезъ Оку и шли уже на Москву. Отрѣзанный отъ главнаго войска, царь со своими опричниками долженъ былъ искать спасенія и поспѣшно отступилъ сначала въ Александровскую слободу, а оттуда въ Ростовъ. Русское войско спѣшило на выручку столицы, успѣло однимъ днемъ раньше татаръ стать подъ Москвой и расположилось въ предмѣстьяхъ города, вмѣсто того, чтобы встрѣтить непріятеля въ открытомъ полѣ.

24-го мая, въ праздникъ Вознесенія, ханъ подступилъ къ Москвѣ. Утро было ясное и тихое. Ханъ приказалъ зажечь предмѣстья. Русское войско готовилось уже къ смертному бою, какъ вдругъ пожаръ вспыхнулъ сразу во многихъ мѣстахъ. Быстро съ кровли на кровлю перебѣгалъ огонь по скученнымъ деревяннымъ постройкамъ и съ трескомъ пожиралъ сухое дерево. Поднялся вихрь, и скоро море огня разлилось по всему городу. Нечего было и думать тушить сплошной пожаръ. Забыли и о татарахъ. Жители Москвы,

толпы людей, бѣжавшихъ сюда отъ татаръ изъ разныхъ мѣстъ, ратники—всѣ смѣшались, въ ужасѣ бѣгали по улицамъ, съ воплями отчаянія искали спасенія и гибли тысячами. Въ нѣсколько часовъ вся Москва выгорѣла до тла. Уцѣлѣлъ только Кремль, благодаря своимъ высокимъ каменнымъ стѣнамъ. Войска и народу погибло во время этого страшнаго пожара до 800,000 человѣкъ. Москва рѣка была до того запружена трупами, что пришлось нарочно поставить людей—спускать трупы внизъ по рѣкѣ.

Этотъ необыкновенный пожаръ поразилъ страхомъ даже и самихъ татаръ, такъ что имъ было уже не до грабежа Ханъ приказалъ своей ордѣ отойдти къ селу Коломенскому. Осаждать Кремль онъ не сталъ, а, захвативъ огромное число плѣнныхъ (говорятъ, до 150,000 человѣкъ), двинулся обратно, разоряя и грабя все на пути.

Когда Іоаннъ возвращался въ Москву, то въ селѣ Братовщинѣ ему представили гонцовъ Девлетъ-Гиреевыхъ, которые подали ему такую надменную грамату отъ хана: „Жгу и пустошу все изъ-за Казани и Астрахани, а всего свѣта богатство примѣняю къ праху, надѣясь на величество Божіе. Я пришелъ на тебя, городъ твой сжегъ, хотѣлъ вѣнца твоего и головы, но ты не пришелъ и противъ насъ не сталъ; а еще хвалишься, что я-де московскій государь! Были бъ въ тебѣ стыдъ и дородство, такъ ты бъ пришелъ противъ насъ и стоялъ. Захочешь съ нами душевною мыслью въ

дружбѣ быть, такъ отдай наши юрты—Астрахань и Казань. А захочешь казною и деньгами всесвѣтное богатство намъ давать — не надобно; желаніе наше—Казань и Астрахань. А государства твоего дороги я видѣлъ и опозналъ.“ Какъ ни тяжело было Іоанну, — онъ долженъ былъ смириться на этотъ разъ. Въ отвѣтной граматѣ онъ соглашался даже уступить хану Астрахань: „только теперь, прибавлялъ онъ, этому дѣлу скоро статься нельзя,—для него должны быть у насъ твои послы, а гонцами такого великаго дѣла сдѣлать невозможно. До тѣхъ бы поръ, смиренно просилъ Іоаннъ, ты пожаловалъ, далъ срокъ и земли нашей не воевалъ.“

Но ханъ, слишкомъ понадѣявшись на свой недавній успѣхъ, не довольствовался обѣщанной уступкой Астрахани, а требовалъ и Казани. Лѣтомъ 1572 года онъ снова поднялся со всей своей ордой на Москву. Переправился онъ чрезъ Оку съ такими же силами, какъ и въ первый разъ. Но на берегу Лопасни его настигъ князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій и въ нѣсколькихъ жаркихъ схваткахъ разбилъ татаръ. Ханъ бѣжалъ.

Глава XXII.

Стефанъ Баторій и осада Пскова.

Въ западной Россіи происходили между тѣмъ важныя событія. Поляки давно уже хлопотали объ окончательномъ сліяніи Литвы и западной Россіи съ Польшею, но встрѣчали въ Литвѣ постоянное сопротивленіе своимъ намѣреніямъ. При бездѣтномъ и безродномъ королѣ польскомъ Сигизмундѣ Августѣ, которымъ прекращалась Ягелонская династія, вопросъ о соединеніи Литвы съ Польшею поднялся съ новою силою и наконецъ рѣшенъ былъ на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Литовцы хотя сначала и упорствовали, но потомъ должны были согласиться на соединеніе, или *унію*. Правленіе неразрывно соединенныхъ теперь Польши и Литвы объявлено избирательнымъ. По смерти Сигизмунда Августа, взоры многихъ, особенно въ литовско-русскихъ православныхъ областяхъ, обратились къ Москвѣ. Давъ знать Іоанну о смерти Сигизмунда Августа, вельможи (паны) польскіе и литовскіе объявили ему о желаніи своемъ видѣть королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ втораго сына его, царевича Ѳеодора. Но Іоаннъ хотѣлъ быть королемъ самъ, и при томъ хотѣлъ быть не столько королемъ польскимъ, сколько великимъ княземъ литовскимъ, безъ Польши.

Іоаннъ колебался и медлилъ, не отправлялъ своихъ пословъ на сеймъ, не хотѣлъ унизиться до ласкательствъ и задариванія вельможъ; а французскій посолъ между тѣмъ не скупился на лесть и обѣщанія, и, благодаря этому, королемъ польскимъ провозглашенъ былъ Генрихъ Анжуйскій, братъ французскаго короля Карла IX. Но Генрихъ царствовалъ въ Польшѣ недолго: получивъ извѣстіе о смерти брата, онъ тайкомъ убѣжалъ изъ Польши во Францію. Польша опять осталась безъ короля, и потому опять должны были начаться выборы. На этотъ разъ Іоаннъ отправилъ своего посланника съ граматами къ знатнѣйшимъ панамъ, обѣщая награды въ случаѣ его избранія. Но однихъ обѣщаній частнымъ лицамъ было недостаточно: когда послы другихъ соискателей говорили о выгодахъ для Польши и Литвы отъ избранія того или другаго изъ нихъ въ короли, для всѣхъ осталось неизвѣстнымъ, какія выгоды могутъ они получить отъ избранія царя московскаго. На выборахъ восторжествовалъ Стефанъ Баторій, воевода трансильванскій, женившійся на сестрѣ Сигизмунда Августа Аннѣ (1575 г.).

Между тѣмъ истекъ срокъ перемирія съ Польшею, и Іоаннъ сталъ упорно продолжать войну въ прибалтійскихъ областяхъ. Здѣсь къ войнѣ съ поляками присоединилась и война со шведами, потому что царь хотѣлъ завоевать и Ревель (Колывань) съ другими эстонскими городами. Въ 1577 году русское войско въ числѣ 50,000 человѣкъ оса-

дило Ревель; но осада, продолжавшаяся полтора мѣсяца, была неудачна Зато самъ царь совершилъ удачный походъ въ Ливонію: городъ за городомъ сдались царю и воеводамъ его съ одной стороны, королю Магнусу съ другой. Но съ отбытіемъ царя съ театра войны дѣла перемѣнились. Поляки и шведы взяли верхъ и въ 1578 году нанесли русскимъ сильное пораженіе при Венденѣ, при чемъ погибло четверо царскихъ воеводъ. Король Магнусъ, уже женатый на царской племянницѣ, передался полякамъ.

Переговоры, начатые Стефаномъ Баторіемъ, не привели ни къ чему. Іоаннъ относился къ нему свысока, не хотѣлъ даже по обычаю называть его въ грамотахъ *братомъ*, а звалъ только *сосѣдомъ*, потому что Стефанъ сталъ королемъ не по происхожденію своему и не по волѣ Божіей, а „по многомятежному человѣческому хотѣнію“ (то есть, по избранію сейма). Ливонію царь по прежнему называлъ своей *отчиной* и уступокъ никакихъ не дѣлалъ.

Іоаннъ готовился къ новому походу въ Ливонію. Въ Псковъ уже привезли тяжелый нарядъ (артилерію), назначенный для осады Ревеля. Но этотъ нарядъ получилъ другое назначеніе: врагъ явился на русской почвѣ.

При вступленіи своемъ на польскій престолъ, Стефанъ Баторій далъ слово возвратить Литвѣ области, завоеванныя у нея московскими государями,—и рѣшился сдержать свое обѣщаніе. Не говоря уже о томъ, что онъ былъ очень искусный

полководецъ, у него было не мало средствъ и условій для выполненія этого обѣщанія. а именно: искусная, закаленная въ бояхъ наемная пѣхота, венгерская и нѣмецкая. исправная артиллерія, быстрое наступательное движеніе, дававшее ему огромное преимущество предъ врагомъ, принужденнымъ растянуть свои полки по границамъ и при томъ не знающимъ, откуда ждать нападенія, и наконецъ превосходство въ ратномъ искусствѣ: до сихъ поръ почти во всѣхъ значительныхъ битвахъ въ чистомъ полѣ русскія войска оставались побѣжденными, потому что въ военномъ искусствѣ русскіе далеко отстали отъ своихъ западныхъ сосѣдей. Думая. что война. предпринятая за Ливонію, и ведена будетъ въ Ливоніи, Іоаннъ отправилъ туда большое войско. Но Баторій лѣтомъ 1579 года осадилъ Полоцкъ, который упорно защищался болѣе трехъ недѣль. Жители усердно помогали воинамъ, бросались тушить пожары, вспыхивавшіе отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; женщины и старики спускались на веревкахъ и подъ непріятельскими ядрами доставали воду изъ Двины. Но, не смотря на все упорство защиты. городъ былъ наконецъ взятъ. Затѣмъ, послѣ страшной рѣзни, взята была крѣпость Сокол Въ слѣдующемъ 1580 году Баторій взялъ Велижъ, Усвятъ. Великія Луки. Съ другой стороны, шведскій полководецъ Делагарди вошелъ въ Корелію, взялъ Кексгольмъ и успѣшно дѣйствовалъ противъ русскихъ владѣній въ Эстоніи. Въ 1581 г.

Баторій взялъ крѣпость Островъ и осадилъ Псковъ, подъ стѣнами котораго и остановились его успѣхи.

Городъ Псковъ былъ очень сильно укрѣпленъ. „Такого большаго города (говоритъ полякъ-очевидецъ) нѣтъ въ Польшѣ; весь онъ обведенъ стѣнами; за стѣнами красуются церкви, какъ густой лѣсъ.“ Въ городѣ, обильно снабженномъ военными запасами, начальствовалъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій. Гарнизонъ его состоялъ изъ 7,000 конницы и 50,000 пѣхоты. Осаждающее непріятельское войско простиралось до 100,000 человѣкъ.

Баторій велѣлъ укрѣпиться подъ стѣнами города, рыть борозды (траншеи), ставить туры для прикрытія людей и пушекъ. Защитники Пскова тоже не теряли времени и стали строить внутреннія укрѣпленія. Войско непріятельское подступило къ городу Пскову 25-го августа. До 7 сентября шли осадныя приготовленія. 7-го сентября на разсвѣтѣ непріятель открылъ сильную пальбу. Изъ 20 большихъ орудій громили городскую стѣну, стараясь сдѣлать въ ней проломы для приступа. На другой день стѣна въ нѣсколькихъ мѣстахъ была сбита. Путь въ городъ былъ открытъ, и воеводы Баторія, сидѣвшіе въ это время за обѣдомъ, хвалились, что ужинать они будутъ во Псковѣ. Распустивъ знамена, при звукахъ трубъ, поляки, венгры и нѣмцы пошли на приступъ. Въ городѣ, по звону осаднаго колокола, не только воины спѣшили къ своимъ мѣстамъ, но и всѣ жители, способные держать оружіе въ рукахъ, бѣжали на по-

мощь своимъ и стали съ воинами въ самомъ опасномъ мѣстѣ—между развалинами каменной стѣны и новою деревянною, еще не достроенною стѣною. Но не смотря на ужасный огонь, открытый по непріятелю, послѣдній шелъ впередъ. по трупамъ своихъ добрался до крѣпости, одолѣлъ отчаянное сопротивленіе и ворвался.... Уже на двухъ городскихъ башняхъ (Покровской и Свиной) развѣвались королевскія знамена. Русскіе изнемогали и все болѣе и болѣе уступали напору враговъ. Шуйскій, облитый кровью, сошелъ съ своего раненаго коня и удерживалъ отступающихъ. Въ это самое время духовенство вынесло изъ храма образъ Богоматери и мощи св. князя Всеволода-Гавріила. Священная процессія направлялась въ самый пылъ битвы. Завидя ее, защитники города одушевились и ободрились Вдругъ съ ужаснымъ громомъ и трескомъ взлетѣла на воздухъ Свиная башня: воеводамъ удалось взорвать ее. Ровъ наполнился истерзанными тѣлами враговъ, овладѣвшихъ башней. Непріятель оторопѣлъ. Русскіе дружно ударили на враговъ и смяли ихъ. Къ мѣсту боя подоспѣли свѣжіе отряды воиновъ изъ болѣе отдаленныхъ частей города. Враги не выдержали новаго напора и побѣжали. Уже поздно ночью вернулись побѣдители въ городъ съ огромнымъ числомъ плѣнныхъ, собрались въ соборный храмъ возблагодарить Бога за счастливое окончаніе дѣла и поклялись дружно стоять противъ непріятеля до конца.

Баторій всячески пытался взять городъ: велѣлъ дѣлать подкопы, стрѣлять непрерывно, день и ночь, въ крѣпость, пускать каленыя ядра, чтобы произвести пожаръ. Наконецъ, видя невозможность овладѣть городомъ, онъ написалъ увѣщаніе русскимъ воеводамъ, обѣщая имъ и городу всякія льготы, если они сдадутся, и угрожая неминуемою гибелью въ случаѣ упорства. Такъ какъ осажденные не хотѣли имѣть съ непріятелемъ никакихъ сношеній, то письмо королевское было пущено въ городъ на стрѣлѣ. Псковскіе воеводы такимъ же способомъ дали королю свой отвѣтъ: „за богатства всего міра не измѣнимъ своему крестному цѣлованію. Если Богъ за насъ, никто не осилитъ насъ. Мы готовы умереть, но не предадимъ Пскова. Готовься на брань, а чья будетъ побѣда, Богъ покажетъ!“

Не удались Баторію и подкопы: осажденные вели противъ нихъ свои мины и рѣзались съ непріятелемъ подъ землею. Напрасны были и новые приступы: когда враги подходили къ стѣнѣ, прикрываясь большими щитами отъ пуль, и старались ломами пробить каменную стѣну, русскіе лили на нихъ горящую смолу и шестами съ крючьями отбрасывали ихъ отъ стѣны.

Даже попытка Баторія взять подгородный Псково-печерскій монастырь кончилась полною неудачею.

Хотя доблестная оборона Пскова и ободрила царя, тѣмъ не менѣе онъ всетаки сильно желалъ мира, тѣмъ болѣе, что ему приходилось имѣть дѣ-

ло разомъ съ двоими сосѣдями-врагами: шведскій полководецъ Делагарди отнималъ у русскихъ городомъ за городомъ—взялъ Гапсаль, Нарву (гдѣ погибло 8.000 русскихъ), отнялъ и старые русскіе города: Иванъ-городъ, Ямъ (Ямбургъ) и Копорье.

Угрожаемый опасною войною съ Баторіемъ, Іоаннъ отправилъ къ папѣ Григорію XIII посла съ граматою, въ которой жаловался на Баторія и объявлялъ желаніе быть съ папою и императоромъ германскимъ въ согласіи на всѣхъ недруговъ. Григорій воспользовался случаемъ и отправилъ въ Москву іезуита Антонія Поссевина, которому наказалъ внушить московскому государю мысль о необходимости принять католическое исповѣданіе. Но Поссевинъ, поговоривъ съ Іанномъ, увидалъ, что мало надежды склонить его къ принятію католицизма, и потому во время мирныхъ переговоровъ явно держалъ сторону Баторія. Переговоры эти, ведшіеся въ деревнѣ *Киверова Гора*, недалеко отъ Запольскаго яма, кончились въ январѣ 1582 года: заключено было перемиріе на 10 лѣтъ, при чемъ Іоаннъ уступилъ Баторію всѣ свои завоеванія въ Ливоніи, равно какъ и Полоцкъ.

Антоній Поссевинъ. пріѣхавшій въ Москву по заключеніи перемирія, имѣлъ разговоръ съ царемъ о вѣрѣ. Но разговоръ этотъ кончился ничѣмъ: Іоаннъ никакъ не убѣдился въ необходимости принять католицизмъ.

Война со шведами продолжалась еще съ годъ. Наконецъ, въ августѣ 1583 года, заключено было

на рѣкѣ Плюсѣ (близъ Нарвы) перемиріе на три года: на основаніи этого перемирія все, занятое шведами, осталось за ними.

Такъ печально кончились замыслы Іоанна овладѣть балтійскимъ побережьемъ и войти въ болѣе близкія сношенія съ Западомъ. Тѣмъ не менѣе неудачный исходъ ливонской войны не долженъ закрывать отъ насъ всего ея значенія—какъ попытки въ свое время и какъ примѣра для временъ послѣдующихъ. Не забудемъ того, что Петръ Великій, осуществившій замыслы Іоанна Грознаго, благоговѣлъ предъ послѣднимъ именно за то, что онъ первый такъ ясно сознадъ необходимость для нашего отечества имѣть море, какъ удобнѣйшій путь для сношеній съ образованными народами, и такъ упорно и настойчиво добивался осуществленія своей великой мысли.

Глава XXIII.

Завоеваніе Сибири.

Между тѣмъ какъ на западѣ Польша и Швеція успѣли соединенными силами оттолкнуть Московское государство отъ Балтійскаго моря, движеніе русскихъ на сѣверо востокъ не только не прекращалось, но усиливалось болѣе и болѣе. Наконецъ, какъ бы въ вознагражденіе неудачъ на западѣ,

русскому человѣку удалось перейдти за Каменный поясъ (Уральскія горы), отдѣляющій Европу отъ Азіи, и завоевать тамъ русскому царю новое татарское царство. Этотъ славный подвигъ совершенъ былъ безсмертнымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ.

Въ 1558 году богатый землевладѣлецъ и промышленникъ Григорій Строгоновъ выпросилъ у Іоанна IV пустыя земли по рѣкѣ Камѣ въ 149 верстъ съ тѣмъ, чтобы поставить здѣсь городокъ для обереганья отъ варварскихъ ордъ, призвать людей, завести хлѣбопашество и соляныя варницы. Заселеніе пустопорожнихъ мѣстъ было, конечно, выгодно для государства, и потому царь не только охотно уступалъ земли предпріимчивымъ промышленникамъ, но и давалъ имъ большія льготы. Строгоновымъ дано было право призывать въ свои земли свободныхъ людей, творить судъ надъ поселенцами, строить укрѣпленія и держать вооруженные отряды для обороны отъ нападеній сосѣднихъ народцевъ (остяковъ, черемисовъ, ногаевъ и др.). Наконецъ Строгоновымъ позволено было набирать себѣ охочихъ людей, казаковъ, и ходить войной противъ враждебныхъ инородцевъ. Скоро Строгоновымъ пришлось столкнуться и съ племенами, жившими по сосѣдству, за Уральскими горами. Здѣсь на берегахъ рѣкъ Тобола, Иртыша и Туры находилось татарское царство. Главный городъ его назывался Искеръ, или Сибирь, на рѣкѣ Тоболѣ. По имени этого города и все царство на-

зывалось Сибирскимъ. Раньше сибирскіе ханы (салтаны) искали покровительства московскаго царя и одно время платили ему даже дань (ясакъ) мѣхами; но послѣдній ханъ, Кучумъ, выказалъ вражду къ Москвѣ, билъ и бралъ въ плѣнъ остяковъ, платившихъ ей дань; а царевичъ сибирскій Маметкулъ ходилъ съ войскомъ на рѣку Чусовую провѣдать пути къ Строгоновскимъ городкамъ, при чемъ побилъ здѣсь много московскихъ данниковъ, женъ и дѣтей ихъ забралъ въ плѣнъ. Увѣдомивъ объ этомъ царя, Строгоновы били ему челомъ, чтобы онъ позволилъ имъ укрѣпиться за Ураломъ, держать для обороны и тамъ огненный нарядъ (артиллерію) и на свой счетъ набирать добровольцевъ для борьбы съ врагами. Царь позволилъ. А навербовать дружину удальцовъ въ то время было не трудно.

По южнымъ и восточнымъ степнымъ окраинамъ Московскаго государства еще съ XV вѣка являются вольные, гулящіе люди — *казаки* *). Одни изъ нихъ жили по станицамъ, несли государеву службу, обороняли границы отъ нападеній разбойничьихъ татарскихъ шаекъ: это были казаки *городовые*. А другіе, въ полномъ смыслѣ вольныя „степныя птицы“, уходили изъ-подъ всякаго надзора, „гуляли“ въ степномъ раздольѣ, нападали на татаръ, грабили ихъ, охотились въ степи, ры-

*) Слово *казакъ*—чисто татарское и означало сперва вольнаго, бездомовнаго бродягу, а потомъ — низшій родъ воиновъ, набранныхъ изъ такихъ бродягъ.

бачили по рѣкамъ. разбивали купеческіе караваны татарскіе, да и русскимъ купцамъ порою не давали спуску. Шайки такихъ казаковъ гуляли по Дону и по Волгѣ. На жалобы ногайскаго хана, что казаки, не смотря на то, что онъ въ мирѣ съ московскимъ царемъ, грабятъ татарскихъ купцовъ по Дону, царь отвѣчалъ: „эти разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома, отъ насъ бѣгаютъ. Мы и прежде посылали не одинъ разъ. чтобъ ихъ переловить, но люди наши добыть ихъ не могутъ. Мы и теперь посылаемъ добывать этихъ разбойниковъ и которыхъ добудемъ, тѣхъ казнимъ. А вы бы отъ себя велѣли ихъ добывать и, переловивши, къ намъ присылали. А гости (купцы) ваши дорогою береглись бы сами. потому что самъ знаешь хорошо: на полѣ (въ степи) всегда всякихъ людей много изъ разныхъ государствъ. И этихъ людей кому можно знать? Кто ограбитъ, тотъ имени своего не скажетъ.“ Дѣйствительно, очень мудрено было изловить въ широкихъ степяхъ шайки этихъ *воровскихъ* казаковъ.

Одну шайку такой казацкой вольницы, въ 540 человѣкъ, привелъ на службу къ Строгоновымъ атаманъ Василій Тимоѳеевъ, по прозвищу Ермакъ*). Это былъ удалецъ богатырской силы, при томъ очень ловкій, смѣтливый. Главными помощниками

*) Василій Тимоѳеевъ былъ прежде въ одной бурлацкой артели кашеваромъ, и товарищи прозвали его *Ермакомъ*, потому что ермакомъ назывался дорожный артельный таганъ. Такъ за нимъ это прозвище и осталось на всю жизнь.

его были: Иванъ Кольцо, за свои разбои осужденный на смерть, но не пойманный, Никита Панъ и Василій Мещерякъ; все это были молодцы, прошедшіе, какъ говорится, огонь и воду, не знавшіе страха, готовые на все. Таковы же были и остальные товарищи Ермака. Такіе-то люди и нужны были Строгоновымъ. Они хотѣли не только оборонить свои владѣнія отъ набѣговъ сибирскаго царя, но и дать ему острастку, чтобы отвадить отъ нападеній. Для этого рѣшено было напасть на Кучума въ его собственныхъ владѣніяхъ. Строгоновы снабдили казаковъ всѣмъ нужнымъ: съѣстными запасами, ружьями и даже небольшими пушками. Къ отряду Ермака Строгоновы присоединили ратныхъ людей изъ своихъ городковъ—литовцевъ, нѣмцевъ (плѣнныхъ), татаръ и русскихъ, всего 300 человѣкъ, такъ что во всемъ отрядѣ его насчитывалось 840 человѣкъ. Забравъ съ собой вожатыхъ, хорошо знавшихъ сибирскій путь, и толмачей, знавшихъ бусурманскій языкъ, Ермакъ 1-го сентября 1581 года отправился въ походъ со своею дружиной.

Сначала казаки плыли на стругахъ и челнахъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой, затѣмъ повернули въ рѣку Серебрянку. Въ иныхъ мѣстахъ, по мелководью, приходилось плыть на плотахъ. Изъ Серебрянки перевезлись волокомъ чрезъ проходы въ Уральскомъ хребтѣ въ рѣку Жаровлю, впадающую въ Тагилъ, отсюда спустились въ рѣку Туру.

До сихъ поръ казаки никакой помѣхи не встрѣ-

чали, рѣдко даже и людей по берегамъ видѣли: страна здѣсь была дикая, почти совсѣмъ безлюдная. По рѣкѣ Турѣ пошло люднѣе. Здѣсь казаки впервые встрѣтили городокъ, гдѣ властвовалъ князекъ Епанча. Тутъ пришлось уже пустить въ дѣло оружіе, потому что съ берега стали стрѣлять по казакамъ изъ луковъ. Они дали залпъ изъ ружей: нѣсколько татаръ упало, остальные въ ужасѣ ударились въ бѣгство. — они никогда еще не видали огнестрѣльнаго оружія. Городокъ Епанчи былъ разоренъ. Скоро пришлось казакамъ разогнать пальбой и другую толпу татаръ. Захваченныхъ въ плѣнъ настращали выстрѣлами и добыли отъ нихъ свѣдѣнія о Кучумѣ и его силахъ. Нѣкоторыхъ изъ плѣнниковъ Ермакъ нарочно отпустилъ на волю, чтобы они разносили повсюду страхъ своими разсказами о чудесномъ свойствѣ русскаго оружія. „Русскіе люди сильны (разсказывали они своимъ): когда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, то огонь пышетъ, дымъ выходитъ и громъ раздается; стрѣлъ не видать, а уязвляютъ ранами и до смерти побиваютъ; ущититься отъ нихъ никакими ратными сбруями нельзя,—все на-вылетъ пробиваютъ."

Казаки плыли внизъ по Тоболу и не разъ приходилось имъ разгонять выстрѣлами толпы туземцевъ. Кучумъ, хотя и былъ напуганъ и разсказами бѣглецовъ о большихъ силахъ врага, и разными зловѣщими предсказаніями, но сдаваться безъ боя всетаки не хотѣлъ. Собралъ онъ все свое войско. Расположившись самъ станомъ на берегу Иртыша,

близъ устья Тобола, на горѣ Чувашево, онъ устроилъ здѣсь на всякій случай новую засѣку (укрѣпленіе), а царевича Маметкула отрядилъ съ большимъ войскомъ впередъ. навстрѣчу казакамъ. Онъ встрѣтилъ ихъ на берегу Тобола, при урочищѣ Бабасанъ, и завязалъ битву, но не могъ осилить ихъ. Казаки плыли впередъ; на пути взяли еще городокъ; нашли тутъ богатую добычу, забрали съ собой и отправились дальше. При впаденіи Тобола въ Иртышъ татары снова настигли казаковъ и осыпали ихъ стрѣлами. Казаки отбили и это нападеніе, но у нихъ было уже не мало убитыхъ, и почти всѣ они были переранены стрѣлами. Татары, разглядѣвъ, вѣроятно, что враговъ не слишкомъ много, налегли на нихъ всѣми силами. Но казаки были уже недалеко отъ столицы. Скоро должна была рѣшиться участь ихъ похода. Надо было выбить Кучума изъ его засѣки и овладѣть столицей. Призадумались-было казаки: силы у Кучума было гораздо больше,—на каждаго русскаго приходилось, пожалуй, по 20 татаръ. Собрались казаки въ кругъ и начали толковать, какъ быть: впередъ ли идти или назадъ вернуться. Одни стали-было говорить, что надо вернуться; но другіе, и во главѣ ихъ самъ Ермакъ. разсуждали иначе: „братцы! куда намъ бѣжать? Время уже осеннее, въ рѣкахъ ледъ смерзается: не побѣжимъ,— худой славы не примемъ, укоризны на себя не положимъ, но будемъ надѣяться на Бога, — Онъ и безпомощнымъ поможетъ. Вспом-

нимъ. братцы. обѣщаніе. данное нами честнымъ людямъ (Строгоновымъ)! Назадъ со стыдомъ возвратиться намъ нельзя. Если Богъ намъ поможетъ то и по смерть память наша не оскудѣетъ въ этихъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ.“

Согласились съ этимъ всѣ и порѣшили—оставаться и биться до смерти.

23-го октября, на разсвѣтѣ. казаки, усердно помолившись Богу, двинулись на засѣку. Пушки и ружья сослужили теперь имъ свою службу. Татары изъ своей ограды пускали тучи стрѣлъ, но мало вреда причиняли русскимъ. Наконецъ татары сами проломали засѣку въ трехъ мѣстахъ и ударили на казаковъ. Начался страшный рукопашный бой. Тутъ ужъ ружья не помогали: приходилось рубиться мечами или схватываться прямо руками. Казаки и здѣсь показали себя богатырями: не смотря на то, что враги были въ 20 разъ многочисленнѣе, казаки сломили ихъ. Маметкулъ былъ раненъ; татары смѣшались и упали духомъ. Иные, подвластные Кучуму князьки, видя, что враги одолѣваютъ, оставили бой. Кучумъ бѣжалъ сначала въ свою столицу Сибирь, захватилъ здѣсь свои пожитки и бѣжалъ дальше.

26 го октября казаки заняли покинутую жителями Сибирь. Пріуныли-было побѣдители въ пустомъ городѣ. Ихъ сильно ужъ поубавилось: въ одномъ только послѣднемъ сраженіи ихъ пало 107 человѣкъ; было не мало раненыхъ и больныхъ. Идти дальше имъ было уже не въ мочь, а между тѣмъ

запасы у нихъ всѣ вышли и наступала лютая зима. Голодъ и смерть грозили имъ послѣ такого славнаго и многотруднаго подвига....

Однако, спустя нѣсколько дней, остяки, вогуличи, татары со своими князьками стали приходить къ Ермаку бить ему челомъ, приносили ему подарки и разные припасы. Онъ же приводилъ ихъ къ присягѣ государю, обнадеживалъ ихъ его милостью, обходился съ ними ласково и отпускалъ безъ всякой обиды въ ихъ юрты.

Зиму казаки провели спокойно. Только Маметкулъ напалъ-было на нихъ, но Ермакъ разбилъ его, и онъ нѣсколько времени не безпокоилъ казаковъ. Съ наступленіемъ весны Маметкулъ думалъ врасплохъ напасть на казаковъ и вмѣсто того самъ попалъ въ просакъ: казаки подстерегли враговъ, напали на нихъ ночью и захватили въ плѣнъ самого Маметкула. Плѣнъ этого храбраго витязя былъ для Кучума большимъ ударомъ.

Лѣто 1582 года казаки провели въ походахъ, покоривъ татарскіе городки и улусы по рѣкамъ Иртышу и Оби. Между тѣмъ Ермакъ далъ знать Строгоновымъ, что онъ „салтана Кучума одолѣлъ, стольный городъ его взялъ и царевича Маметкула полонилъ.“ Строгоновы спѣшили обрадовать этою вѣстью царя. Но скоро затѣмъ явилось въ Москву особое посольство отъ самого Ермака,—Иванъ Кольцо съ нѣсколькими товарищами,—бить челомъ государю царствомъ Сибирскимъ. Въ Москвѣ была по этому случаю великая радость. Царь при-

нялъ Ермаково посольство очень милостиво и не только простилъ казаковъ за ихъ прежнія вины, но и щедро наградилъ, а Ермаку послалъ шубу съ своего плеча, серебряный ковшъ и два панцыря. Въ граматѣ, посланной Ермаку, царь называлъ его *княземъ Сибирскимъ*. Но—что всего важнѣе—въ Сибирь отправленъ былъ воевода, князь Болховской, съ значительнымъ отрядомъ войска.

Между тѣмъ Кучумъ успѣлъ отправиться и войти въ силу. А русскимъ плохо приходилось въ Сибири: они терпѣли часто недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ; между ними распространились болѣзни; случалось, что татарскіе князьки, притворившись сначала вѣрными данниками и союзниками, губили отряды казаковъ, довѣрившихся имъ. Такъ погибъ Иванъ Кольцо съ нѣсколькими товарищами. Воевода, присланный царемъ, умеръ отъ болѣзни.

Скоро затѣмъ погибъ и самъ Ермакъ. Провѣдалъ онъ, что Кучумъ собирается перехватить на пути бухарскій караванъ, шедшій въ Сибирь. Захвативъ съ собою 50 удальцовъ, Ермакъ поспѣшилъ навстрѣчу бухарскимъ купцамъ, чтобы охранять ихъ отъ хищниковъ на пути по Иртышу. Цѣлый день ждалъ Ермакъ каравана, при впаденіи рѣки Вагая въ Иртышъ; но ни купцы, ни хищники не показывались. Ночь была бурная и ненастная. Дождь лилъ ливмя. Вѣтеръ бушевалъ на рѣкѣ. Истомленные казаки расположились на ночлегъ на островкѣ и скоро заснули какъ убитые. Оплошалъ

на этотъ разъ Ермакъ, всегда осторожный и бдительный,—не поставилъ сторожей, не думая, видно, чтобы враги могли напасть въ такую ночь. А между тѣмъ непріятель былъ очень близко и подстерегалъ казаковъ. Кучумовы лазутчики нашли въ рѣкѣ бродъ, пробрались къ казакамъ и принесли Кучуму радостную вѣсть, что казаки спятъ мертвецкимъ сномъ. *Заиграло тогда сердце Кучумово*, какъ сказано въ лѣтописи. Татары перебрели тайкомъ по рѣкѣ къ острову, напали на спящихъ казаковъ и перерѣзали ихъ всѣхъ, кромѣ двоихъ. Одинъ спасся и принесъ въ Сибирь ужасную вѣсть объ избіеніи отряда, а другой, самъ Ермакъ, услыхавъ стоны, вскочилъ, успѣлъ своей саблей отбиться отъ убійцъ, кинувшихся на него, и бросился съ берега въ Иртышъ, думая спастись вплавь, но утонулъ отъ тяжести своего желѣзнаго доспѣха (5-го августа 1584 года).

Горько заплакали казаки, узнавъ о смерти своего удалаго атамана, и пришли въ совершенное отчаяніе. 15-го августа они оставили Сибирь, въ числѣ 150 человѣкъ....

Но дѣло Ермака не погибло. Путь въ Сибирь былъ указанъ, и начало русскому владычеству здѣсь положено,—и теперь весь сѣверъ Азіи принадлежитъ Россіи.

Память объ Ермакѣ не умерла въ народѣ, который и до сихъ поръ воспоминаетъ его въ своихъ пѣсняхъ.

Въ 1839 году въ городѣ Тобольскѣ (неподалеку

отъ мѣста, гдѣ находился древній Искеръ, или Сибирь) поставленъ памятникъ для увѣковѣченія памяти удалаго завоевателя Сибири.

Глава XXIV.

Народная пѣсня про Ермака Тимоѳеевича.

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина.
Собирались казаки-други, люди вольные.
Собирались они, братцы, во единый кругъ
Какъ донскіе, гребенскіе и яицкіе.
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка, сынъ Лаврентьевичъ,—
Они думали думушку все единую:
Ужъ какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,—
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
На Яикъ намъ идтить—да переходъ великъ:
А на Волгѣ ходить намъ—все ворами слыть;
Подъ Казань градъ идтить—да тамъ царь стоитъ,
Какъ грозной-то царь Иванъ Ватильевичъ.
У него тамъ силы много-множество,
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ.
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженнымъ.
Какъ не золотая трубушка вострубила,—
Рѣчь заговорилъ Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ:
Гей, вы думайте, братцы, вы подумайте
И меня, Ермака, братцы, послушайте:
Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,

А зимою мы, братцы, поисправимся;
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ передъ грознымъ царемъ вину свою,—
Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю, по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы корабли,
Мы убили посланника все царскаго,
Какъ того то вѣдь посланничка персидскаго.
Какъ во славномъ было во городѣ во Астрахани,
На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки-други во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
Какъ зима-то проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настаетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, во походъ идтить
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофеевичъ:
Ой, вы, гой еси, братцы, атаманы-молодцы!
Эй, вы дѣлайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабаечки сосновыя:
Мы поѣдемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ мы его, братцы, Царю Бѣлому,
А царя-то Кучума въ полонъ возьмемъ,
И за то-то государь царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я Царю Бѣлому повинную:
Ой, ты, гой еси, надежа Православный Царь!
Не вели мени казнить, да вели рѣчь говорить:
Какъ и я-то, Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,

Какъ и я-то, боровской донской атаманушка,
Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
Что по синю морю, по Хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь буены корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все неорленые.
А теперича, надежа Православный Царь,
Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство Сибирское.
Рѣчь возговоритъ надёжа Православный Царь,
Какъ и грозный-то Царь Иванъ Васильевичъ:
Ой, ты, гой еси, Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
Ой, ты, гой еси, войсковой донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славной тихой Донъ.

Глава XXV.

Сыноубійство.

Привычка давать волю гнѣву и рукамъ не осталась для Іоанна безъ страшнаго наказанія: въ ноябрѣ 1581 года (это было въ Александровской слободѣ), разсердившись на старшаго сына своего, царевича Іоанна, царь ударилъ его своимъ костылемъ по головѣ, — и ударъ былъ смертельный.

Относительно причины гнѣва свидѣтельства разнорѣчатъ. У псковскаго лѣтописца мы читаемъ:

„говорятъ, что сына своего, царевича Ивана, за то поколотилъ жезломъ, что тотъ сталъ говорить ему объ обязанности выручить Псковъ (отъ Баторія).“ То же самое повторяютъ и нѣкоторые иностранные писатели. Но Антоній Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ спустя только три мѣсяца послѣ этого печальнаго событія, разсказываетъ, что убійство произошло вслѣдствіе семейной ссоры: царевичъ вступился за свою беременную жену, которую отецъ его прибилъ.

Сыноубійца былъ въ отчаяніи, вскакивалъ по ночамъ и вопилъ и хотѣлъ даже отречься отъ царской власти и вступить въ монастырь. Онъ сталъ дѣлать по монастырямъ большіе вклады, посылалъ щедрыя пожертвованія на востокъ, чтобы всюду молились за упокой души его сына.

Глава XXVI.

Смерть Іоанна Грознаго.

Не съ большимъ два года прожилъ Іоаннъ по смерти сына. Страшная жизнь, какую онъ велъ, и страшная болѣзнь, которою онъ страдалъ, должны были состарить его преждевременно. Неудачи послѣднихъ войнъ также не могли не дѣйствовать разрушительно на его здоровье. Наконецъ

сюда присоединялось невоздержаніе всякаго рода, противъ котораго не могло устоять и самое крѣпкое тѣлосложеніе. Въ началѣ 1584 года въ немъ обнаружилось гніеніе внутри, опухоль снаружи. Въ мартѣ разосланы были по монастырямъ грамоты, въ которыхъ царь смиренно просилъ молиться за него. 17-го марта, послѣ теплаго купанья, онъ почувствовалъ себя гораздо лучше. На слѣдующій день Іоаннъ расположился было, сидя на кровати, сыграть въ шахматы съ своимъ любимцемъ Бѣльскимъ и уже сталъ разставлять ихъ, какъ вдругъ его постигъ ударъ, и онъ упалъ на постель.... Поднялась страшная суматоха. Побѣжали за врачами и за духовенствомъ. Врачи терли умирающаго разными снадобьями, стараясь возбудить въ немъ жизнь, но все было напрасно. Митрополитъ совершилъ надъ полумертвымъ обрядъ иноческаго постриженія и назвалъ его Іоною.

Ударили въ колоколъ на исходъ души, и Москва узнала, что Грознаго царя не стало.

Іоаннъ Грозный умеръ на 54 году жизни.

Глава XXVII.

Народная пѣсня про смерть царя Ивана Васильевича.

Ужъ ты, батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему?
Изъ-за облачка выкатаешься,
Черной тучей закрываешься?
Какъ у насъ было на святой Руси,
На святой Руси—въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ—въ золотомъ Кремлѣ,
У Ивана было у Великаго,
У Михайлы у Архангела,
У собора у Успенскаго
Ударяли въ большой колоколъ.
Раздался звонъ по всей матушкѣ сырой землѣ.
Соѣзжалися всѣ князья, бояре,
Собиралися всѣ люди ратные
Во Успенской соборъ Богу молитися.
Во соборѣ-то во Успенскомъ,
Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ гробъ:
Во гробу-то лежитъ православный царь,
Православный царь—Иванъ Грозный Васильевичъ.
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
На ногахъ его вострый, грозный мечъ.
Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу всякій кланяется,
А на грозенъ мечъ взглянетъ—всякъ ужахнется.
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ все попы, архіереи:
Они служатъ, читаютъ—память отпѣваютъ,

Отпѣваютъ память царю православному.
Царю Грозному, Ивану Васильевичу.

Русскій народъ относится съ уваженіемъ и сочувствіемъ къ царю Іоанну Васильевичу: онъ назвалъ его только *Грознымъ*—прозваніе, данное также и дѣду его, великому князю Іоанну III.

„Въ жизни и смерти воленъ Богъ да царь“—таковъ взглядъ народа. Власть царя отъ Бога,—одному Богу онъ долженъ и отвѣтъ давать за свои дѣянія. Лютыя казни, которыя совершалъ Іоаннъ, въ глазахъ народа были такою же карою Божіею за грѣхи, какъ голодъ, моръ, пожары и тому подобныя бѣдствія.

ИЗДАНІЯ
ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

Москва, проѣздъ Петровскихъ торговыхъ линій.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА:

Дуняша-Сиротка.	ц.	5	к.	Не случись	ц.	5	к.
Стадо.	„	5	„	Никогда не позд. раск.	„	5	„
Рыбаки	„	5	„	Три клада	„	5	„
Вѣдьма	„	5	„	Босоножка	„	5	„
Мельница на оврагѣ.	„	5	„	Костя музыкантъ	„	10	„
Маленькій садовникъ	„	5	„	Праздникъ въ деревнѣ.	„	5	„
Помогай-Бросайся	„	5	„	Вѣра спасла.	„	5	„
Макаръ-Вереженный.	„	5	„	Врагъ попуталъ-Богъ спасъ	„	5	„
Не-размѣнъ рубль	„	5	„	Кладъ.	„	5	„
Крестьянинъ-воинъ	„	5	„	Встрѣча	„	5	„
Вѣра не гаснетъ	„	5	„	Безъ работы..	„	5	„
На заработкахъ.	„	5	„	Аннушка	„	5	„
Христосъ Воскресе!	„	5	„	Грѣхъ дѣдушки Пахома	„	5	„
Два пріятеля.	„	5	„	Сельская школа	„	5	„
				Материнская любовь	„	5	„

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ:

Куликовская битва	ц.	10	к.	О Кіево-Печер. лаврѣ..	ц.	5	к.
Полтавскій бой	„	10	„	Преп. Сер. и Троиц. лавра	„	5	„
Бородинская битва.	„	10	„	Иванъ Сусанинъ	„	10	„
Ермакъ Тимофѣевичъ	„	10	„	Наша Отеч. война.	„	10	„
Покореніе Казани	„	15	„	Петръ Великій	„	5	„
Мининъ и Пожарскій	„	20	„	Князь Серебряный.	„	20	„
Императ. Екатерина II	„	5	„	Царь Іоаннъ Грозный	„	15	„
Свѣт. князь Потемкинъ.	„	5	„	Москов. Китай-городъ.	„	5	„
О Соловецкомъ монаст.	„	5	„				

Книжный магазинъ Общества имѣетъ въ продажѣ всѣ учебныя, дешевыя народныя и дѣтскія книги, письменныя и рисовальныя принадлежности. Книгопродавцамъ и учебнымъ заведеніямъ дѣлается уступка.

25 Сен 1942